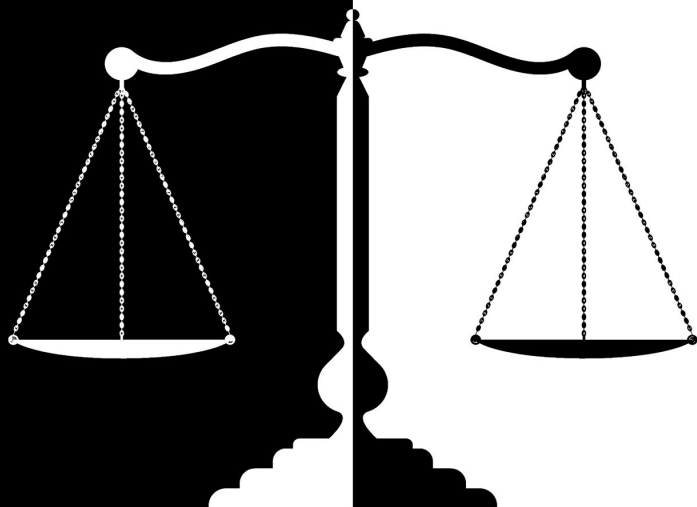

ЭРОС & ТАНАТОС

Рустем
Набиев

Рустем Набиев
Эрос & Танатос
Серия «RED. Fiction»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69256189

ISBN 978-5-04-188481-9

Аннотация

Эрос и Танатос – это две антагонистические категории по Фрейду, первая из которых влечет человека к жизни, вторая – к смерти. Кто-то из людей проживает жизнь, ведомый одним Эросом. Нередки случаи, когда, напротив, с самого детства человек одержим Танатосом. Иногда борьба между ними идет с переменным успехом.

Роман описывает жизнь главного героя с самого детства. Вполне обычный, если не считать его странную любовь к кладбищам, мальчишка растет, развивается, взрослеет. Детские увлечения, переходный возраст, первый сексуальный опыт, армия, настоящая любовь – все это свидетельствует о естественном для каждого человека влечении к жизни. Однако, одно событие в один миг переворачивает все с ног на голову.

Жизненный путь главного героя не просто ярко иллюстрирует теорию Фрейда. Читателю предстоит погрузиться в мир, наполненный забавными и грустными происшествиями, историей большой любви и захватывающими приключениями.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Рустем Набиев Эрос&Танатос

* * *

Все имена, персонажи и события являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, наименованиями и событиями случайно.

*– Простите, а вы мне не подскажете,
Что это за город – там, на горе?
– Вот это? Э-э-э... Инен баи баласы!
Это же ЭФЭ!*

Юрий Шевчук, альбом «Периферия»

Пролог

Город, словно ватным одеялом, был укутан плотной пеленой дождя. Его капли, вопреки законам мироздания, не падали вниз и не летели в стороны, влекомые ветром, а висели неподвижно в воздухе. Впрочем, они были настолько мелкими, что дождь мог сойти за туман. И все же это был дождь. Мелкий, противный, затопивший весь Город.

Было время, когда Город еще не превратился в тысячеголового фасеточноглазого монстра, который никогда не спит, непрерывно переваривая в своем чреве человеческую массу. День был днем, а ночь – ночью. Днем Город наполнялся людьми и машинами – движением, которое можно было даже назвать упорядоченным, а не броуновским адом, который наступил спустя несколько десятилетий. Ночью же Город пустел. Лишь изредка громыхал дежурный трамвай, торопливо вышагивал припозднившийся прохожий, да тать¹, как ему и положено, таился в ночи, выжидая своего часа. Конечно, могли тренькнуть где-нибудь во дворе расстроенная гитара и рассыпаться семечками девичий смешок. Но только не в такую погоду.

Все светофоры в огромном Городе ночью мигали желтым. В четыре часа утра трафик мало отличался от дневного, из-

¹ Устаревший вариант слова «вор» (прим. ред.).

за чего подобное встретить было практически невозможно. А весь Город, одновременно мигающий желтым... Огоньки светофоров, отражаясь в бесчисленных каплях повисшего в воздухе дождя, превращались в огромные желтые шары, вспыхивающие и гаснущие во тьме. Игра воды и света в абсолютной тишине искажала восприятие пространства и рождала странные образы. Если встать в начале широкого и прямого, как стрела, Проспекта, тогда единственного, Город виден весь, и кажется, что ты на подводной лодке врываешься в тоннель секретного бункера. А если удалось бы воспарить над улицами и отлететь немного в сторону, то Город, раскинувшийся на горе, показался бы маяком в бескрайнем море. Маяком, мигающим теплым желтым светом, указывая путь затерявшимся кораблям.

Вспоминая это, Эрик въезжал в Город через Южные ворота – самые главные. Самые красивые, самые востребованные и самые узкие. Всего попасть в Город можно было тремя путями; он являл собой почти остров. Раскинулся на горе, омываемой водами двух рек и ими же сжатой в узкий хребет: Светлой – широкой, спокойной, действительно светлой, и Темной – извилистой, коварной, с бесчисленными водоворотами. Южными и Западными воротами служили мосты через Светлую реку.

С севера же Город, словно корабль, прицепившийся кормой к причалу, да так и вросший в него навсегда, имел единственный сухопутный перешеек. Северными воротами мож-

но считать въезд со старинного тракта. Но, помимо него, во многом благодаря огромной живущей по своим законам промышленной зоне, существовало еще бесчисленное множество дорог, дорожек, тропинок и воровских тропочек. Потому воротами Северный въезд можно считать весьма условно.

Восточных ворот у Города не было совсем. И, вероятно, не будет никогда².

Грандиозный прожект их строительства, конечно, существовал. Он беспощадно опустошал казну на протяжении десятилетий, но строительство не продвинулось ни на шаг. Даже толком и не началось. То, куда исчезали деньги, горожан не слишком волновало, так как они все равно куда-нибудь исчезали бы. Не будь Восточных ворот, было бы Скоростное Метро, Воздушные острова или что-то такое же прекрасное и недостижимое. А может, виной всему была коварная Темная река.

Примечательно, что в незапамятные времена Восточные ворота существовали. О строительстве мостов через такие крупные реки, как Светлая и Темная, тогда речи, конечно, не шло. Были только речные переправы. Одна из них, Дудкин перевоз, как раз и располагалась у восточных, Спасских

² Если случится невероятное, сей текст переживет столетия, и въедливый читатель воскликнет: «Он есть!», автор просит быть снисходительным к категоричному «никогда», ибо расслабленное испанское «маньяна», что значит «завтра», но на самом деле – «никогда», выглядит на фоне нравов нашего Города куда более убедительным, чем англосаксонское «Никогда не говори “никогда”» (прим. автора).

ворот древнего Города. За переправой начиналась старинная дорога в Сибирь. Название свое переправа получила от имени владельца, ушедшего стрельца Антоши Дудки. Тот не только выпросил разрешение на устройство платного перевоза у самого царя Алексея Михайловича, но и завел на берегу рядом с переправой корчму. Позже, после появления Старого Сибирского тракта, превратившегося впоследствии в главный Проспект, Спасские ворота и Дудкин перевоз оказались на окраине жизни. Город потерял Восточные ворота. Дудкин перевоз сохранился до сих пор: служил подспорьем «безлошадным» дачникам, обосновавшимся на левом берегу Темной реки. А Спасские ворота, как, впрочем, и сама древняя крепость, просто исчезли с лица земли.

...Старый Ырынбургский тракт уперся в Южные ворота. Город парил маяком над водами Светлой реки. Мигал желтым призывным огнем. Слева, на горе, эпический всадник, осадивший коня перед самым обрывом на вершине, оставался невидим. Вода – не его стихия, и он притих, спеленутый со всех сторон влагой этого то ли тумана-переростка, то ли дождя-недомерка. Въехав на мост, Эрик физически ощутил громаду приближающегося Города. Входя в него, ты становишься его частью, песчинкой на его мостовых. «Белая река, капли о былом, ах, река-рука, поведи крылом».

Въезжая в Город, Эрик ожидал наткнуться на очередной полицейский пост. За то время, что он добирался сюда, его останавливали несколько раз. Самым серьезным кордоном

оказался тот, что стоял перед формальной границей Города, там, где раньше был стационарный пост ГАИ. Четырехполосная дорога перегорожена бетонными блоками. Узкий проезд охраняют несколько полностью экипированных и вооруженных бойцов. Проверяют документы. Здесь его держали дольше всего. И только тут, глядя на промокших насквозь крепких ребят в масках, Эрик впервые всерьез подумал о Чуме, которая охватила весь мир. Она добралась и сюда. Она реальна! Вот как бывает: ты живешь, строишь планы, но можешь оказаться в чумном бараке завтра или через неделю и не выжить. Долго размышлять об этом Эрик не хотел. Не сейчас! Он наконец обрел долгожданную свободу. Ничего, что на поверку она оказалась совсем не такой, какой представлялась. Времена не выбирают.

Никакого поста в Городе не оказалось. Как, впрочем, и обычного движения. Пустынные улицы, мигающие желтым светофоры. Чума словно заставила ночной Город откатиться на полвека назад.

За мостом Эрик свернул к Обелиску. Зацепившись за острую пику гранитного монумента, мысли рассеялись, разлетелись на фрагменты и всплывали теперь хаотично, словно мерцающие огоньки. Почему египетская цивилизация оставила столько памятников? Грабители всех мастей, называя себя учеными, исследователями, путешественниками и прочими, растащили по всему миру гробницы с мумиями, обелиски, каменные изваяния и много чего еще. В любой

европейской столице – египетские обелиски на площадях. Огромные залы музеев заполнены трупами фараонов и их усыпальницами. То, что разорение могил «для науки» никого не смущает, – другой вопрос. Великая европейская цивилизация аборигенов за людей никогда не считала, да и не считает до сих пор. Сильнейшие страны вывезли из своих колоний (и не только) все, что может представлять хоть какую-то ценность. Только Китай сумел сохранить в неприкосновенности известное и крайне интересное захоронение – гробницу императора Цинь Шихуанди. Да, знаменитую терракотовую армию откопали и изучили, но к самому кургану не притронулись. Вероятно, им удалось это благодаря относительной изолированности от европейцев и правильному отношению к своей культуре. Подобными знаниями, часто абсолютно бесполезными, Эрик вдоволь обогатился в последние годы. В силу обстоятельств времени для чтения у него было предостаточно.

Мысли продолжали скакать с одного на другое: «Да, Египет. Очевидно, сухой климат Северной Африки поспособствовал сохранению артефактов на протяжении стольких веков. Они пережили даже Римскую империю, протянув вплоть до того момента, когда явилась европейская цивилизация в пробковых шлемах».

Сосредоточиться не получалось. В голову некстати лезло: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарыща –

страшное дело!»³

Справедливости ради нужно заметить, что *этот* обелиск не был родом из Северной Африки. Как, впрочем, и Город не был европейской столицей, из-за чего и не мог бы претендовать на свою долю награбленного. Обелиск был вырезан здесь, из местного гранита, установлен на берегу Светлой реки – правда, почему-то в овраге – и олицетворял собой великую дружбу двух народов.

Эрик никак не мог собраться с мыслями: «При чем здесь Египет? О чем я вообще?»

Он стремился в Изумрудный Гай – относительно молодой район Города, раскинувшийся на высоком и крутом берегу Темной реки. Эрик не смог бы даже себе внятно объяснить причину, по которой туда направлялся. Никто его не ждал. Тем не менее он ехал именно туда. Дорога под обелиском вдруг резко расширилась, а дальше рассыпалась на несколько, оказавшихся Эрику совсем незнакомыми, выездов. Город сильно изменился в его отсутствие. Выбрав путь по наитию, Эрик помчался дальше по ночным улицам, въехал в Изумрудный Гай и дальше, с трудом вспоминая дорогу, пробрался сквозь лабиринт неведь откуда взявшихся современных многоэтажек. По прежним меркам это были просто небоскребы, по двадцать-тридцать этажей каждый, занимающие несколько кварталов и стоящие вплотную друг к другу. Огромная бездушная громада, наполненная людьми. На-

³ «Дядя Ваня» (1898), А.П. Чехов (прим. ред.).

селения этих домов хватило бы на небольшой провинциальный городок. Из всего бесчисленного множества окон сейчас не горело ни одно. Это само по себе странно для большого города, даже учитывая глубокую ночь. «Карантин!» – вспомнил Эрик.

Куда же он рвался, чего хотел на самом деле? Встать под темными окнами, зная только, что где-то в недрах этого муравейника есть кто-то близкий, свой? И это щемило душу, заставляя его стоять посреди ночи в мороси дождя, пытаться угадать, какие окна ему нужны...

Часть 1

...Эрос действует с самого начала жизни и выступает как влечение к жизни...

...Любое поведение человека так или иначе вытекает из инстинкта жизни...

3. Фрейд

1

Родился Эрик здесь, в Городе. В Темниковке, бывшей когда-то отдельным городком, но давно уже втянутой спрутом большого Города и ставшей неотъемлемой его частью. Сами темниковцы происхождением своим гордились и говорили о нем с неким вызовом, а жители центральной части Города к Темниковке и ее обитателям относились настороженно. Район пользовался дурной славой. И вполне заслуженно. Так уж исторически сложилось, что вся основная промышленность была сосредоточена на севере – там Город не был так жестко ограничен реками. Темниковка не просто примыкала к промзоне, она охватывала ее, была неразрывно внедрена в ее тело. Сюда же, в Темниковку, в годы Великой войны был временно эвакуирован, да так и остался навсегда, огромный завод с верховьев Волги. Закономерно, что подав-

ляющая часть жителей трудилась на заводах. Классиками революционных идей много чего понаписано про гегемонию. Возможно, они ошибались, идеализируя рабочий люд. А может, цинично ввали ради своих корыстных целей. Да простят нас пролетарии всех стран, но объективно криминогенная обстановка в Темниковке была самой напряженной в Городе. Ну и в целом к концу XX века атмосфера здесь была ровно такая же, как в любой рабочей слободке конца века XIX. Трудно поверить в это по прошествии трех-четырёх десятков лет, но в семидесятые годы прошлого века там еще практиковались драки «стенка на стенку», как и многие сотни лет назад на Руси.

Звали Эрика на самом деле Эрос. Отец, грек по национальности, настоял на этом имени. Он горячо убеждал супругу, что символизм имени бога любви несведущие люди воспринимают слишком однобоко, в то время как он является олицетворением главного влечения на земле – влечения к жизни. «Эрос Криони звучит очень красиво», – увещевал он жену. Устав спорить, она махнула рукой. «Все равно будет Эриком», – решила для себя. Так оно и случилось. Отец сам лишь несколько раз торжественно назвал малыша Эросом, а потом незаметно для себя «съехал» на уменьшительное-ласкательное Эрик. Позже, при поступлении в школу, мама договорилась записать сына Эриком, так что сам он крайне редко вспоминал свое настоящее имя.

Помнил себя Эрик лет с пяти. С подготовительного клас-

са. До того – только разрозненные смутные отрывки на уровне ощущений. Детсадовские воспоминания тоже были довольно размытыми и сводились к ненавистным тефтелям с рисом, которые заставляли есть (неужели самым противным в детском питании были тефтели?), бордовому бархатному банту (у всех были красные из атласа), к годовщине Великого переворота, тоскливым прогулкам, мало отличающимся от тюремных (тоже за решеткой), поцелуям за одеялом во время тихого часа (не понимая толком зачем, но наслаждаясь восторгом аудитории). Лица той бойкой девчонки Эрик уже не помнил, но полынно-горький вкус ее губ мог почти физически чувствовать на протяжении всей жизни.

Зато дворовая жизнь прочно сохранилась в памяти, стала частью Эрика, во многом поспособствовав формированию его характера. Дом, в котором они жили, можно было назвать темниковским «кораблем». По аналогии с первым, центровым: там, в центре Города, длиннющая многоподъездная, облицованная белоснежной плиткой девятиэтажка была метко прозвана в народе «кораблем». Дом Эрика был также безграничен в длину, но уныло сер и имел всего пять этажей. И если тот, в центре, горделиво стоящий на возвышении с прекрасным видом из иллюминаторов верхних палуб, и впрямь походил на океанский лайнер, то темниковский скорее напоминал списанную баржу, пришвартованную к краю огромного пустыря. Дом этот не был частью квартала. Он стоял особняком. Со стороны подъездов имелся тротуар, проезжая

часть с никому в те времена не нужной парковкой и дальше – довольно большое, ничем не занятое пространство, заканчивающееся гаражами и оградой детского сада (Эрик ходил в другой, находившийся гораздо дальше от дома). Летом это пространство было футбольным полем, зимой – хоккейной площадкой. С другой стороны, так же за тротуаром и проезжей частью, раскинулся поистине необъятный по любым меркам пустырь. Занимал он гектаров десять, а ровно посередине имелось небольшое озерцо. Мальчишки презрительно называли его болотом, хотя заболоченными были лишь берега, а по самому озеру особо отчаянные плавали на небольших плотках и даже устраивали баталии. С двух сторон пустырь обходили довольно широкие и бойкие по тем временам магистрали, отделенные от него высокой и колючей живой изгородью. Темниковский «корабль» одиноко прибил-ся к пустырю с севера. Он был единственным домом в проулке перед пустырем. За ним начинался микрорайон, называемый Северными дворами. С противоположной стороны необозримое пространство пустыря заканчивалось задворками огромного ДК. Дворец культуры не был насмешкой над своим названием – его он носил по праву. Монументальное и величественное сооружение парадной стороной выходило на большую площадь, каскад лестниц и фонтанов спускался от него к главной транспортной развязке Темниковки. Здесь начиналась другая жизнь: с парадными витринами (пусть и не такими, как в центре), суетой, удушливой гарью «Икару-

сов» и очередью рогатых «тролликков». Остановка «ДК» была конечной почти для всего транспорта, приезжающего из центра. В том числе и для экспресса в аэропорт. И, если повезет, можно было увидеть, как в него, кроме обычных пассажиров, заходят молодцеватые летчики и стюардессы с бесконечными ногами.

Непосредственный выход к пустырю из всей округи имел только дом Эрика, и потому тот считался законной вотчиной *их* дворовой братии. Другие жилые дома располагались поодаль. Правда, на самом видном месте, на возвышенности между домом Эрика и озером, бельмом на глазу развитого социализма красовался двухподъездный барак чудесного розового цвета. Был ли выбор цвета случайным, или таким способом местные власти хотели немного скрасить жизнь несчастным жителям, компенсируя этим отсутствие водопровода и канализации, теперь уже не узнать. Деревянный «двухочковый» (видимо, по количеству подъездов) нужник располагался практически перед балконом Эрика. До уличной колонки с водой оттуда было метров двести. Из всех обитателей барака претендовать на обладание пустырем мог только один пацан, чуть постарше Эрика, настоящего имени которого во дворе никто не знал. За способность вскипеть за секунду он имел прозвище Карбид; он откликался на него, не обижаясь, и равноправно участвовал во всех затеваемых на пустыре делах. В *их* двор он, однако, ни разу не зашел.

А затевали на пустыре... Чего только не затевали! Из

невинных детских забав можно вспомнить разве только те самые битвы на плотях, ловлю головастика и дафний летом, а еще катание со склонов озера на лыжах и санках зимой. Нужно сказать, что разновозрастных детей во дворе было очень много. Дом большой, да и возраст жильцов подобрался такой, что все были с детьми. Жили дружно. Сплоченный такой дворовый коллектив. Стая. Старшие главенствовали, но мелких не обижали. Более того, чуть не с дошкольного возраста привлекали к затеям совсем не детским, «вязали» пацанов общими делами с самого раннего возраста. Например, вполне обычным делом было, если пара-тройка старшеклассников бросала клич: «Айда на пустырь шакалить!» И все пацаны, бывшие в тот момент во дворе, обязаны были пойти. В итоге собиралась ватага человек в двадцать, основной костяк которой составляли «детки» от десяти до четырнадцати лет. Попадали и несколько малышей. Эрик не помнил, сколько ему было, когда он в первый раз пошел «шакалить». Наверное, уже учился. Класе в первом, может, во втором. Не пойти было нельзя. Не имело никакого значения, как ты лично относишься к этой затее. Да и что понимает мальчишка в семь лет? Либо ты со всеми, либо один, то есть изгой. «Шакалили» очень просто. Через пустырь проходила единственная асфальтированная дорожка. Она начиналась от дома Эрика и выходила прямиком к ДК, соединяя Северные дворы с главным транспортным узлом Темниковки. Все, кому нужно было к конечной остановке или обрат-

но, ходили здесь. Путь кратчайший, всегда чисто, асфальт. Но, кроме этой оживленной дорожки, пустырь пересекало и огромное множество стихийных тропинок. Надо ведь было как-то переходить его и в других направлениях. Обходить бескрайние просторы по благоустроенным тротуарам было очень долго, вот и продрали темниковцы дыры в живой изгороди, протоптали тропинки, как им удобно. А тянулись они, зачастую извиваясь между зарослями кустарника и немногочисленных деревьев. В таких зарослях стояла шакалят и поджидала свою жертву. Ею становился любой пацан школьного возраста, имевший неосторожность сунуться через пустырь в одиночестве. К нему подходили те самые «малыши», явно младше его и слабее, и учтиво просили двадцать копеек. Совершенно неважно, как вел себя тот пацан – отдавал двадцать копеек или отказывался, – итог всегда был один: карманы выворачивали полностью. Часы, цепочки, браслеты – снимали все. До драки, как правило, не доходило. В зависимости от борзости «клиента» из кустов появлялись все новые и новые персонажи, становившиеся все крупнее и крепче с каждой необдуманно брошенной фразой или действием. На памяти Эрика все жертвы расставались со своими сокровищами добровольно. Кто-то плакал, кто-то играл желваками, представляя, как отомстит этим мелким говнюкам (мечты, мечты...). Наверное, если бы хоть раз попался отчаянный парень, бросившийся в драку, несмотря на неравенство сил, все бы кончилось плохо. Стайный инстинкт и детская же-

стокость, подкрепленная ощущением безнаказанности, ни к чему хорошему не приводит. Не было у тех темниковских мальчишек моральных принципов. Только зарождающиеся понятия. Разорвали бы шакалята свою жертву. Трудно сказать, как бы Эрик жил с этим дальше, вырос бы другим человеком и сумел бы забыть все, как дурной сон. Но ничего подобного не случилось.

Повезло маленькому Эрику не раз. При всей аморальности «шакалки» по степени риска это было одно из самых безопасных занятий на пустыре. Можно было утонуть в «болоте», не удержавшись на плоту, но никто пока не утонул, и это казалось маловероятным. Гораздо опаснее были те самые драки «стенка на стенку». Совсем малышей, конечно, не брали. Но, как только тебе исполнялось десять, отказываться от участия в драке было уже нельзя. Противостояли друг другу враждующие дворы. Северные, к примеру, люто враждовали с козловскими. Кто был этот мифический Козлов (или Козловский), никто не знал. Как и то, чем он был знаменит и за какие заслуги увековечен. Тем не менее такой персонаж наверняка существовал и был просто невероятно крут, так как добровольно называться козловскими в полукриминальной Темниковке по другой причине вряд ли бы кто-то решился. Еще поблизости были дворы светлые, темные, Поселок дураков (веселое название микрорайона – отдельная история). Наиболее ожесточенно бились на пустыре северные с козловскими. Поножовщины не было, но и джентльменских правил

не существовало. Сознательно насмерть не забивали, однако случайно могли. Пробитые штакетником черепа и сломанные конечности были делом обычным. Эрик, став постарше, участвовал в таких драках, но всего пару раз, и они прошли относительно спокойно. Все равно еще мелкий был, сам в гущу отчаянно не лез, а специально его никто не отлавливал. Главными бойцами были парни постарше. Потом Эрик с родителями переехал в центр, и там, во дворах князевских и графских (каковы амбиции в центре, однако!), циркулировали больше рассказы о былых сражениях, нежели реальные массовые драки. Так что обошлось не только без особых моральных травм, но и без физических. Хотя возможностей для этого забавы детворы того времени предоставляли достаточно. Благодаря старшим товарищам Эрик очень рано увлекся пиротехникой. Слова этого он, конечно, не знал, как в целом и химия была для него лишь книжкой из раздела «Учебники» в книжном магазине, а надпись «8 класс» относилась к иному, взрослому миру. Тем не менее уже в первом классе он знал несколько принципиально разных способов изготовления зарядов для бомб. Их просто взрывали за гаражами. Когда на пустыре затеяли грандиозную стройку, она на долгие годы стала для детворы местом игры в войнушку, а бомбы служили отличным антуражем театра боевых действий. Самым простым вариантом было соединение воды и карбида в стеклянном пузырьке. Он же являлся и самым опасным. Газ выделялся очень быстро, и, для того что-

бы успеть плотно завернуть крышку и бросить пузырек, нужно обладать изрядной сноровкой. Гораздо удобнее были бомбы селитровые. Селитра без проблем находилась в любом хозяйственном магазине – ее легкомысленно продавали даже детям. Терроризм в те благословенные времена тихо дремал где-то в ущельях далеких гор и селитрой не интересовался. А дети интересовались. Разведенной в тазике с водой селитрой пропитывались обыкновенные газеты, которые затем сушились прямо на батареях. Где в этот момент были родители? О чем они думали? Или чем? Маленьким сорванцам все сходило с рук. Пропитанная селитрой газета служила идеальным газогенератором. Подожженная, она очень быстро тлела, выделяя газ. Процесс был существенно более контролируемым, чем в случае с карбидом⁴. Времени запечатать пузырек с тлеющей газетой было больше, но все равно случалось так, что кто-то не успевал отбросить самодельную бомбу подальше. Были и руки, посеченные осколками, и даже выбитые глаза. Мимо Эрика все осколки пролетели мимо. Снова пронесло.

Дворовые мальчишки всех возрастов варились в одном котле. Старшие всегда брали младших в любую затею, и это не обязательно приобщение к взрослому миру вымогательства и драк. Футбол, хоккей, десятки других игр во дворе –

⁴ Воздержимся от дальнейшего углубления в тему. Хотя думаю, что даже самые неосмотрительные читатели вряд ли смогут воспользоваться этими нехитрыми рецептами. Террористы повылезали из своих щелей и скупили всю селитру, а потому с тех пор изменились понятия о безопасности, и ингредиенты эти недоступны сегодня ни взрослым, ни детям (прим. автора).

мальшня путалась тут же, под ногами, и никто ее не шпынял. Двор был поистине огромен, места бы хватило всем, даже если бы мальчишки и девчонки всех возрастов взялись одновременно заниматься своими делами. Однако все носились гурьбой. Что делали взрослые (ну, скажем, учащиеся старших классов), тем же интересовались и малыши. Если бы старшим это было в тягость, вряд ли они стали бы терпеть. Нравы в Темниковке все же были суровы. Было ли такое единство поколений, воспринимаемое здесь вполне естественно, уникальным примером, случайно сложившимся в одном замкнутом социуме, Эрик не знал. Но ни в школе, ни в других дворах, где ему потом пришлось жить, он больше с таким не сталкивался. О взаимоотношениях старших и младших во дворе говорила и еще одна история, приключившаяся с самим Эриком.

Рядом с домом, в одном из углов пустыря, примыкающих к их переулку, затеяли большую стройку. Строили административное здание, которое должно было вместить в себя все руководящие органы района. Весь ум, всю честь и всю совесть Темниковки, ее верных хунвейбинов и просто администрацию. Стройка эта продолжалась много лет. На радость детям никто ее толком не охранял, а потому доски от забора быстро перекочевали на темниковские садовые участки, и стала она на эти годы даже не частью пустыря, а, скорее, продолжением двора. Отдельной площадкой для игр. Однако ко времени той истории стройка еще только начиналась.

А начинается любая стройка, как известно, с котлована. Вырыт он был огромный, в соответствии с масштабами воздвигаемого Храма высшей темниковской власти.

Эрик тогда только закончил первый класс. Старшим мальчишкам как-то удалось заманить его сверстников на дно того самого котлована. Взрослые пацаны выстроились кольцом по краю и стали забрасывать малышню комьями земли. В этом не было никакой особой жестокости. Обычная детская забава. Суровая действительность. Вы в Темниковке, ребята! Обстреливаемая и уже изрядно грязная мелюзга не воспринимала ситуацию трагично и пыталась отвечать. Правда, снизу-вверх бросать существенно тяжелее. Да и силы были явно неравны. Большая часть снарядов, посылаемых снизу, даже не вылетала из котлована, в лучшем случае разбиваясь у ног старшеклассников под их дружный хохот. Земли на дне почти не было, только плотная глина, которую тяжело отковыривать. Бросаемые сверху комья разбивались в пыль – слепить их обратно не представлялось возможным. Иногда, конечно, прилетало и старшим, но это их скорее раззадоривало, а малыши уже стали выбиваться из сил. Наконец, Эрику улыбнулась удача: один из его снарядов угодил точнехонько по лицу девятиклассника Олега. Тот вскрикнул как-то уж очень громко, не убрал рук от лица. На рубашку полилась кровь. Эрику случайно подвернулся под руку густо обмазанный глиной кусок гранитного щебня. Позже выяснилось, что у Олега помимо повреждения мягких тканей ока-

залась сломана челюсть и выбиты три передних зуба. Прибывшие через пару часов разбираться, кто изувечил их мальчика, родители Олега, увидев первоклассника, слегка охолодели, но потом еще долго изводили маму Эрика жалобами на проблемы с лечением парня. А досталось ему здорово. Челюсть заживала долго, зубы пришлось вставлять искусственные, шрамы на лице остались на всю жизнь. Что до самого Олега и его сверстников, то ни разу за те несколько лет, которые Эрик прожил в этом доме, никто его не упрекнул, не напомнил о том случае. Олег смотрел неприязненно, но ничем его не отделял от прочей малышни. Из-за разницы в возрасте близкого общения у них и так не могло быть. А во всех общих затеях они участвовали вместе, как и прежде. Просто выместить на Эрике злобу было не по понятиям.

Хотя могло все закончиться и по-другому. В соседнем подъезде жил мальчишка на пару лет старше Эрика. Звали его Федя – любимец всего двора. Красивый, улыбчивый. От него как будто веяло светом и добротой. Вся малышня обычно крутилась возле него. Учился он не в одной с Эриком школе, а где-то на самой окраине Темниковки, у железной дороги, где старшеклассники за какую-то провинность и забили Федьку до смерти. Он не был борзым или задиристым. Не мог сам ввязаться в драку. Не мог, наверное, даже дерзко ответить. Чем он сумел так досадить этим нелюдям, Эрик не знал. Подробностей никто первокласснику не рассказывал. Хоронить Федю вышел весь двор – и взрослые, и дети. А

Эрика не покидало ощущение нереальности происходящего.

Смерть как таковая не была для Эрика чем-то далеким и непонятным. Он еще не сталкивался с потерей близких, даже на городском кладбище бывать не приходилось ни разу. Но со смертью и, что самое странное, с похоронами он сталкивался довольно часто. О том, что человек смертен, а иногда смертен внезапно, темниковцам напоминать было излишним. Пусть трамвайные рельсы делали лишь робкую попытку проникнуть в эту часть города, образовав небольшое кольцо в южной, самой далекой от их двора, оконечности Темниковки, зато самая настоящая железная дорога, «Старый Транссиб», проходила менее чем в километре. Чтобы попасть в ближайший парк или на стадион, необходимо было эту дорогу перейти. Тоннель под железкой был темен, загажен и почти всегда затоплен, а переход «черт знает где» по пешеходному мосту представлялся темниковцам таким же нерациональным и нелогичным, как операция на гланды не через ротовую полость. Рациональность с логикой регулярно пожинали свои кровавые плоды. Однажды это случилось прямо при Эрике. Метрах в тридцати от их ватаги, только вознамерившейся перебежать железку, вылетевший из-за поворота товарный состав переехал женщину с двумя сетками в руках. Собралась толпа; мальчишки тоже ринулись посмотреть. Неизвестно, детская ли жестокость или же неспособность осмыслить чужую смерть были причиной их равнодушного любопытства, но происшествие запомнилось как

вполне обыденный эпизод. Как и случайно найденный ими труп мужчины за гаражами или скончавшиеся прямо у них на глазах два незадачливых забулдыги. В их доме, с противоположной от подъездов стороны, располагалась аптека. Эти несчастные, не имея, вероятно, денег даже на бутылку плодово-ягодного и толики мозгов, купили по фунфырику, в те времена содержащей спирт, чемеричной воды. И выпили прямо на крыльце аптеки. Отходили оба здесь же, неподалеку, в кустах. Хрипя и синея на глазах у местной детворы. Скорая не успела – увозили уже трупы. Не то чтобы смерть тогда специально интересовала Эрика или как-то влекла его – просто очень часто оказывалась близко. Слишком часто для маленького мальчика. Следовала рядом, демонстрировала свое присутствие. Он нечаянно оказывался среди любопытствующих мальчишек и, случалось, заставлял миг перехода. Грань, за которой живое становится неживым. Нельзя сказать, что он искал такие моменты. Так распоряжалась судьба.

Похороны же Эрик мог наблюдать по несколько раз в неделю прямо со своего балкона. По непонятной причине их проулк облюбовали похоронные процессии. Никакого логичного объяснения этому не было: ни морга, ни кладбища в округе не имелось, но процессии с непреклонной регулярностью шествовали по их проулку. Всегда в одну сторону. Слева направо, если смотреть с балкона, или снизу-вверх по направлению движения. Темниковский «корабль», вдо-

бавок ко всей своей ущербности по сравнению с белоснежным центровым, еще и не был ровным, а каскадом спускался с небольшой возвышенности. Задолго до того, как шествие появлялось в поле зрения, даже через закрытые окна глухо слышалась «Соната для фортепиано № 2 си-бемоль минор» Фредерика Шопена, ввиду сложности транспортировки фортепиано исполняемая преимущественно духовыми. С балкона третьего этажа можно было в подробностях разглядеть и унылую медь оркестра, и неоднородно скорбную толпу, и самого «заставившего себя уважать», благо гробы несли открытыми. Эрик вскоре регулярным зрелищем пресытился, а потому в какой-то момент перестал обращать внимание на Шопена, словно то был шум проезжающей машины или грохот с соседней стройки.

Странная любовь Эрика к кладбищам впервые и неожиданно проявилась в деревне у бабушки со стороны матери, к которой родители отправляли его каждый год. Он проводил там все лето, и это было прекрасное время. К тому же в одно время с ним из другого города приезжала его двоюродная сестра. Они с Эриком были ровесниками и очень сдружились. Кроме того, так вышло, что на их небольшой улочке летом собиралась целая компания детей из Города. К ним присоединялась местная ребятня, и выходила большая дружная компания. С самого утра и до поздней ночи продолжались всевозможные игры. Если днем это были невинные футбол, вышибалы или лапта, то с наступлением сумерек за-

теи иногда становились пикантными и авантюрными. Вызывающая замирение сердца и недетские эмоции «бутылочка» сменялась рискованной игрой «приведение». Припозднившихся прохожих пугало неожиданно выскочившее из темноты лохматое чудовище. Освещения на деревенской улочке не было, что позволяло подкрасться почти вплотную. Бурная реакция жертвы вызывала не менее бурный восторг притаившейся за забором детворы.

Однако помимо развлечений было и кое-что еще. Когда Эрик с сестрой были помладше, а дружная компания еще не собралась, бабушка, чтобы как-то их занять, да и по собственному душевному стремлению, часто водила их на могилу недавно умершего деда.

На похоронах его Эрик не был. Хоронили зимой в лютый мороз, а Эрик был еще мал. При жизни деда подружиться они не успели. К тому времени, когда Эрик стал приезжать в деревню, дед уже не вставал с постели. Он пришел инвалидом с позорной для Империи Чухонской войны. От полученных ран мучился до конца жизни. Одна нога не гнулась, страшно болела ночами. Может, поэтому, может, по складу характера, но дед был суров и молчалив. Умение держать язык за зубами потом приписывали Эрику как дедово наследство. Про немногословность старика ходили легенды, иногда довольно забавные, но по большей части все они сводились к тому, что дед был «могилой». Ему можно было доверить любую тайну и быть уверенным, что она не станет

никому известна. Из него и так каждое слово нужно было тащить клещами, что уж говорить про праздные беседы или пересуды.

С семьей Эрика с давних лет была очень близка семья дедовых односельчан. Дружили старики, пока жили в одной деревне. После смерти деда бабушка какое-то время проводила лето с внуками, а на зиму, заколотив дом, уезжала к детям. Когда внуки выросли, а вести хозяйство в деревне стало совсем не вмоготу, она переехала в Город окончательно. Живущие там дети тех односельчан тоже в свое время перевезли родителей, и общались уже оба поколения. Люди эти были удивительно добросердечны и щедры. Казалось, готовы последнее с себя снять, только бы угодить друзьям. Иногда лебезили до подобострастия. У Эрика это всегда вызывало чувство неловкости. Родители же его не то чтобы тяготились, но скорее принимали эту дружбу как доставшуюся по наследству. Особенно запомнился Эрику старый Иван, друг его покойного деда. Открытое, всегда приветливое лицо, добрые глаза с лучиками морщинок. Удивительно светлый человек. Историю дружбы деда с ним Эрик узнал от умирающей бабушки много позже, и оказалась она крайне интересной. Дед, хоть и не участвовал в Великой войне, так как был почти без ноги после Чухонской, льготы ветерана и инвалида имел. А потому дали ему однажды бесплатную путевку в военный санаторий. Одновременно получил путевку и односельчанин Иван, с которым они знакомы до этого толком не были. Зна-

ли друг про друга только то, что ветераны. Поехали на курорт, конечно, вместе. Устроились в двухместной палате, отдыхали, лечились. Однажды в столовой к ним подошел один из отдыхающих и сказал Ивану, что узнал его. Дескать, во время войны был в плену и помнит, как тот в концлагере сотрудничал с немцами. Сказал и отошел. Иван, бледный как смерть, трясущимися руками собрал вещи и, не сказав ни слова, уехал домой. Что успел передумать про себя, возвращаясь в родную деревню? Как и сколько ждал, что за ним придут? По нынешним его документам выходило, что он и в плену-то никогда не был. Дед нашел того человека из столовой, проговорил с ним всю ночь. Выспросил подробно, что делал Иван в лагере, как жил. К утру оба выяснили для себя, что вообще-то никого Иван не предавал. Ни Родину, ни товарищей. Выживал как мог в сложившихся обстоятельствах. Попал не на тяжелые работы, что-то там шустрил при администрации, прислуживал, но заключенным из своего барака старался помогать. Смалодушничал всего лишь, получается. Потом, после освобождения, как-то выправил себе «чистые» документы. Неразберихи на большой войне всегда хватает. С точки зрения закона по тем временам – не высшая мера, может, лет десять советских лагерей. А по-людски если рассудить... Не пошел тот человек в органы сдавать Ивана. Дед же спокойно провел в санатории весь положенный срок, вернулся в родную деревню и ни слова никому не сказал. Только жене своей признался перед смертью, взяв с нее клятву

молчать. Эрик узнал эту историю, когда никого из ее героев в живых уже не было.

Дети помогали бабушке прибираться на дедовой могиле, дергали сорняки, чистили ограду. А потом долго гуляли по старому и довольно большому деревенскому кладбищу. Бабушка, вероятно, приводила в порядок чувства, успокаивала себя этими прогулками. Дети поначалу просто ходили за ней, разглядывая памятники и находя интересные имена. Особенно привлекали Эрика старые могильные камни без оград на мусульманской части кладбища. Заросшие мхом, иногда потерявшие форму, они казались загадочными хранителями древних тайн. Даже бабушка, свободно читающая по-арабски, не могла разобрать поеденную временем вязь. Участок с этими камнями стал безмерно притягивать Эрика. Он мог просидеть возле этих камней полчаса, час, пока бабушка с сестрой не станут настойчиво звать домой, а потому стал проситься на кладбище все чаще, но бабушка не могла ежедневно бросать остальные дела, как бы ни хотела. Любовь Эрика к древним местам упокоения сохранилась на всю жизнь. Взрослым человеком, попадая в любой город, который мог похвастаться богатой историей, он непременно отправлялся на старинное кладбище.

2

До шестого класса Эрик учился в Темниковке. Школьная

жизнь того периода ему почти не запомнилась. Учился он неплохо, и это давало ему право на негласный пакт о нейтралитете: он не создает проблем школе – школа не докучает ему. Основная жизнь происходила во дворе, а там переход из класса в класс не имел особого значения.

Серьезную роль в его жизни сыграла только школьная секция пулевой стрельбы. При школе был настоящий тир. Старшеклассники там учились стрелять в рамках начальной военной подготовки, которая во времена Империи была чуть ли не основным школьным предметом. В четвертом классе Эрик узнал, что в тире работает секция стрельбы и туда берут малышей. Он сразу же записался – все, что связано с оружием, притягивает мальчишек как магнит. Примерно через год занятий тренер, Дмитрий Алексеевич, повез показывать троих своих воспитанников в областной стрелковый клуб.

– Парни, у вас здорово получается, – объяснил он. – Только в школьном тире нет никаких перспектив. Стреляем из допотопных винтовок практически негодными патронами. Если хотите заниматься профессиональным спортом, то лучшее место – здесь.

Тренер Таня, к которой их привез Дмитрий Алексеевич, взяла мальчишек, поверив коллеге на слово. Мальчишкам сказала:

– Занимайтесь! Будете показывать результаты – отлично! Будем делать из вас чемпионов. Нет – стреляйте для себя, не выгоню, у меня в группе все равно некомплект.

Ездить в клуб Эрику пришлось через всю Темниковку, да еще и с пересадкой. Но он уже загорелся, а потому такие мелочи, как долгая дорога, не могли стать препятствием. О чем говорил их школьный тренер, ребята поняли с первых занятий. Настоящая спортивная винтовка была раза в два массивнее и тяжелее, но в то же время значительно удобнее школьных ТОЗов, а «целевые» спортивные патроны с латунной гильзой одним своим блеском демонстрировали превосходство над уныло серой «валовкой», которой они стреляли до тех пор. Профессиональные винтовки взрослых стрелков вообще казались причудливыми агрегатами, распознать в которых обычное оружие было непросто. Кроме того, не только взрослые, но и ребята постарше стреляли в специальных кожаных куртках. Эрик бы занимался только ради того, чтобы заполучить такую!

Вскоре из их троицы в группе Тани он остался один. Женька не захотел далеко ездить, а Вася перешел к «кабанистам» – стрельба по бегущей мишени показалась ему интересней. Какое-то время Эрик занимался, не ставя перед собой амбициозных целей (кроме кожаной куртки, разумеется), но произошло событие, которое заставило его изменить отношение к спорту. Эрику, как и всей их группе, крупно повезло. Таня вышла замуж за директора клуба Петровича и быстро забеременела (последовательность, впрочем, не очевидна). Петрович был не только директором областного стрелкового клуба, но и выдающимся тренером, который

воспитал настоящего олимпийского чемпиона. Когда Тане стало тяжело мотаться по стрельбищам с огромным животом, Петрович забрал ее группу себе. Тренировки стали совсем другими. Тратить время попусту Петрович не собирался. Эрик начал заниматься всерьез, не пропускал ни одной тренировки и вскоре уже не представлял себе жизни без своей команды. Наконец появились результаты в виде призовых мест и спортивных разрядов. И, конечно, кожаная куртка.

Атмосфера в стрелковом клубе всегда была очень доброжелательной, а внутри команды сложились просто удивительные отношения. Большинство ребят были гораздо старше Эрика: несколько парней и девушек уже учились в институте, остальные оканчивали школу или техникум. Эрика, как самого младшего, все опекали. Особенно девушки. К нему и семикласснику Ирику относились как к малышам. Иногда иронично, но очень тепло, по-семейному. Им определили роль забавных младших братишек и в шутку, не разделяя, называли Эрик и Ирик по аналогии с героями популярного в то время мультика «Болек и Лелек».

С биатлонистами и стендовиками, секции которых размещались здесь же, их разводили расписанием – тир был один на всех. Ребята встречались с ними только на загородном стрельбище во время сборов или соревнований. Таким образом, почти каждый день они собирались в клубе только своей небольшой командой, тренировались три или четыре часа, а потом по традиции допоздна чаевничали в комнате отдыха.

Девушки приносили выпечку из дома или готовили прямо в клубе. Парни таскали из дома картошку и пекли ее в духовке вместе с печеньем. Домой разъезжались ближе к одиннадцати вечера. Времена были еще безмятежные, и одинокий шестиклассник ночью в троллейбусе не вызывал ни у кого ни тревоги, ни вопросов.

Самое удивительное касалось обращения с оружием. Сегодня это бы назвали безопасностью, граничащей с преступлением. Отправляясь на соревнования, проходящие вне клуба, спортсмены, независимо от возраста, самостоятельно получали в оружейке свои винтовки и отправлялись к месту проведения на общественном транспорте. Винтовки тащили за спиной в простых кожаных чехлах. Единственная мера безопасности – передвигались группой. Так же добирались до загородного стрельбища на сборы и соревнования. Путь приходилось проделывать следующий: две остановки на троллейбусе, десять минут пешком до железнодорожной станции, четыре перегона на электричке и три километра пешком по лесу и полю. И так из года в год по несколько раз за сезон. Удивительно, но все обходилось благополучно. За все годы ни разу не случилось попыток завладеть оружием. Хотя очевидно, что, найдись злоумышленники, это не составило бы особого труда.

Настоящим раем оказалась жизнь на сборах. Рыбалка, песни у костра, полуночный покер. Да и просто общение с новыми людьми. Там встречались представители всех видов

стрелкового спорта. Однажды у Эрика на сборах почти случился бурный роман с биатлонисткой, которая была старше него на два года, обладала божественной фигурой, голубыми глазами и чудесным носиком. По прошествии времени трудно сказать, что явилось главным препятствием – грозный тренер, возникающий в самый неподходящий момент, парень из ее команды, обещавший промахнуться мимо мишени прямо Эрику между глаз, или море других соблазнов, не дающих сосредоточиться на одном предмете, – но больше они не встречались.

Завершилась спортивная карьера Эрика неожиданно и глупо. Он к тому времени уже выполнял норму КМС. Виновником того, что ему не удалось стать великим спортсменом (а вдруг?), косвенным образом стал его собственный тренер. Петрович ко всему прочему был еще и директором того самого загородного стрельбища, на котором проходили сборы и большие соревнования. Занимало оно огромную территорию. Там располагались коттеджи для спортсменов, большая столовая, производственные помещения и стрелковые рубежи для всех видов спорта, даже военных. С воспитательной ли целью или из желания задействовать почти бесплатную рабочую силу Петрович после окончания очередного спортивного сезона предложил ребятам в добровольно-принудительном порядке лето поработать на стрельбище, навести порядок на рубежах и в производственных помещениях. К слову, бардак там всегда был знатный – желающих работать за

копейки не находилось. Привлечь к этому неблагодарному труду ему удалось только Эрика и Ирика. Петрович не уговаривал, а вынес вердикт:

– Заодно потренируетесь. Это же лучше всяких сборов! Питание бесплатное. Даже денег немного заплатим.

Эрик тогда перешел из девятого в десятый. Ирик школу закончил, в институт не собирался и не знал чем заняться. Ребята скрепя сердце согласились.

Трудового энтузиазма хватило на три недели. Работой их Петрович нагрузил, что называется, по полной. К вечеру валялись с ног – о тренировках не могли и думать. Однако самый печальный момент заключался в том, что общаться было абсолютно не с кем. Сезон закрыт. Ни сборов, ни соревнований. Никаких биатлонисток. Тренировались только запоздавшие стендовики. Ребята напросились пострелять из пистолета, благо патронов никто не считал, но досыта настрелялись уже на второй день. С рыбалкой не заладилось, а затем еще и погода испортилась. Совсем затосковав от безысходности, Болек и Лелек позорно дезертировали с трудового фронта. Отпросились у Петровича на выходные и больше не вернулись.

Потом, когда начинался новый сезон, показалось неловким явиться Петровичу на глаза. Объясняться не хотелось. К тому же произошли кое-какие изменения в школе. Появились новые интересы: девушки, вино, кино и домино... Навыки стрельбы, однако, остались с Эриком на всю жизнь. Ко-

гда и как они пригодятся, Эрик представить себе в то время, конечно, не мог. Из очевидного – в армии – как раз негодились. Пальба из калашникова разительно отличалась от академичной стрельбы из спортивной винтовки.

В новую школу Эрик перешел в середине шестого класса. Школа престижная, языковая, одна из трех самых известных в Городе. Эрик ожидал увидеть благородных юношей и девушек, свободно изъясняющихся между собой на английском, но оказалось, что дети везде одинаковы. На первой же перемене к нему подвалили три упыря, ничем не отличающиеся от темниковских.

– Че, новенький? Не борзей тут!

Эрик и вякнуть ничего не успел, как получил под дых. Вероятно, для профилактики. Тут же на помощь подлетел его новый сосед по парте, с которым они даже познакомиться не успели.

– Кто борзее? Вы сами чего щемитесь?

– Да ладно, Кама! Ты чего? Мы так, поприкалываться, – начала оправдываться малолетняя шпана.

– Ну-ка отвалили от него!

– Не ссы! Если че, мне говори, – сказал задира уже Эрику.

Звали спасителя Камиль, однако все, даже классная, называли его Камой. Он не обладал внушительной фигурой: среднего роста, худощавый, ничем не примечательный на вид. Но был дерзким и решительным. И за словом в карман не лез, и от слов к делу переходил не задумываясь. У шпаны был

в авторитете – желающих выяснять с ним отношения обычно не находилось. А еще он с детства занимался современным пятиборьем. Эрик узнал об этом уже потом, когда они подружились, и всегда завидовал ему белой завистью. Вот это спорт для настоящих мужчин! Не какой-нибудь модный триатлон, где из человека делают тупую и фантастически выносливую машину. Пусть бег и плавание для общей физической подготовки. Но здесь еще фехтование, стрельба, конкур! Настоящий джентльменский, даже мушкетерский набор. Во всем, что не касалось спорта, Кама был полнейший разгильдяй. Учился из рук вон. Его тянуло на дружбу со всякой шпаной и приключения сомнительного характера. При кажущейся твердости и цельности характера Кама был сильно подвержен влиянию среды и в криминальном мире быстро срывался в крутое пике. Классная, видя это, специально посадила к нему новенького. Благодаря какому-то удивительному чутью, она поняла, что общество Эрика окажет на Каму благотворное влияние. Что Эрик перетянет его на светлую сторону. Так на какое-то время и вышло. Они подружились на долгие годы. Кама, кроме того, что спас ему как-то жизнь (хотя вряд ли это считается, потому что сам он и был виновником смертельной опасности), через много лет случайно подарил Эрику встречу с человеком, ставшим для него самым дорогим.

Эрик с Камой просидели за одной партой чуть больше двух лет. После окончания восьмого класса школа активно

избавлялась от лоботрясов, попавших в нее по прописке и не стремившихся к знаниям. Каму устроили в школу иным способом, да и он имел весьма высокопоставленного в городской иерархии отца (в этой школе, к слову, было достаточно настоящих мажоров), а потому никто бы не посмел его выгнать. Однако он ушел сам. Учеба его совсем не увлекала – он хотел больше самостоятельности. О реальной профессии пока не задумывался, а то, что класс после реорганизации серьезно преобразится и в школе станет интересно, предположить, конечно, не мог. Иначе, может, и остался бы. Отношения их с Эриком не прервались – они регулярно встречались. Кама поступил в какую-то бурсу, связанную с транспортом. Автомобилями он интересовался с раннего возраста. Его отцу полагалась служебная машина с водителем, и на ней он ездил даже на дачу в выходные дни. Кама же, даже будучи еще школьником, без всяких прав, раскатывал на отцовской личной «восьмерке». К автомобилю прилагался бонус в виде номеров. В более поздние времена «красивые» номера на личном транспорте стали безусловным показателем наличия денег и отсутствия ума, но тогда особые сочетания цифр и букв реально работали. Транспорта в Городе было совсем мало, неприкасаемые автомобили гаишники считывали легко и старались не останавливать. Кроме совсем уж вопиющих случаев. Так, однажды Кама на огромной скорости влетел под «кирпич» на площадь перед зданием правительства. Никак не отреагировав на неистовые трели мили-

цейских свистков и танцы с полосатыми палочками, он пролетел через всю площадь, не сбавляя скорости. А чего останавливаться? Прав-то нет! В погоню отправились две милицейские машины. Эрик, находившийся в тот момент вместе с Камой, раньше такое видел только в кино и немного напугался. Каму же ситуация забавляла. Уйти от погони ни по центральным улицам, ни дворами им не удалось. Нагоняй от отца Кама пережил спокойно, а потому ключи от «восьмерки» таскать не перестал.

В школе тем временем действительно стало интересно. Из каждых двух классов формировался один. Так, Эрик оказался в 9-м «В», который впоследствии станет весьма знаменитым и увековеченным в анналах школьной истории 10-м «В». Оставшаяся в школе половина их бывшего класса могла похвастаться самыми красивыми и бойкими девчонками. Из другого класса к ним пришли несколько настоящих «крутых» парней: все умные, веселые, развитые не по годам и умеющие жестко постоять за себя, если понадобится. Смесь в 9-м «В» получилась взрывоопасная. Не в смысле конфликтов – ребята очень быстро сдружились. Опасным было как раз стремительное сближение в период позднего пубертата и неизбежной юношеской гиперсексуальности. Довольно быстро в их коллективе сформировалась основная команда, которая и определяла жизнь класса. Ею затевались совместные походы в кино, выезды на природу, вечеринки и просто совместные прогулы уроков. Эрик в эту команду вошел, с

головой окунувшись в новый дивный мир. К десятому классу вечеринки проводились все чаще, употребляемого алкоголя и предвестников секса все больше. Дети пытались повзрослеть как умели. Как получалось.

Образовавшаяся с уходом из класса Камы пустота заполнилась очень быстро. Помимо большой команды, состоящей из самых продвинутых ребят и лучших девчонок, Эрик близко сошелся с тремя парнями, пришедшими из параллельного класса. Лева – красавчик блондин с благородным профилем, крепкой спортивной фигурой и безмерной уверенностью в себе. Арсений – напротив, сублильный интеллигент со зрением минус восемь, но интеллекуал, эстет, обладатель уникального чувства юмора и просто душка. Третий – Седой – получил свое прозвище, как ни банально, за раннюю седину, уже в старших классах тронувшую виски. Как и Лева, он был физически крепок, еще более самоуверен, даже нагл. Спуску никому не давал: сначала затевал драку, а потом, уже по ее окончании, позволял себе размышления о ее целесообразности. Четко делил мир на своих и чужих и для первых был добрым и надежным товарищем.

До слияния классов они с Эриком практически не общались, лишь знали о существовании друг друга, но затем вдруг образовали неразлучную четверку. Сошлись на общности интересов к рок-музыке, литературе и стремлении расширить свои познания в мире алкогольных напитков. Если быть до конца честным, последнее превалировало. Распитие ал-

коголя казалось подросткам приобщением к взрослому миру, а неумеренное его потребление – эдакой гусарской доблестью. Во многом вина лежала на невероятно популярном в их среде Ремарке, герои которого не просто любили упиться до беспамятства, но и бесконечно упивались своей способностью перепить собутыльников. Не особо отставал от него и старина Хэм. Если проводить аналогию с малолетней шпаной, ведущейся на воровскую романтику, наши герои велись на романтизацию алкоголизма. Пили с девчонками на бесконечных вечеринках, устраиваемых в беспечно оставленных без присмотра родителями квартирах (на флэту), в скверах (на «Флажке» или «Некште»), подъездах (в парадняке), подвалах и даже школьном туалете на переменах. Одним из любимых мест были задворки «Полит проса», куда бегали курить на переменах почти все старшеклассники их школы. Архитектура Дома политического просвещения была чудесна тем, что являла собой помпезный фасад с мраморными лестницами на Бродвей (главную улицу Города, носящую имя Великого Вождя), а с противоположной стороны – невзрачную, скрытую от посторонних глаз колоннаду цоколя на проулок имени верной спутницы Вождя. Даже в солнечный день среди серых каменных колонн было сумрачно. Прохожие здесь случались редко, а служители храма просвещения не особо интересовались тем, что происходило на заднем дворе.

Арсений, как самый интеллигентный и начитанный из

четверки, всегда ратовал за расширение кругозора, в том числе и в мире благородных напитков. С его подачи парни пытались отыскать ноты гнилых яблок в хересе или «пипи де ша» в совиньоне. Благо выбор напитков в эпоху поздней Империи был практически неограничен. Водки, правда, было всего несколько сортов, но вся она была казенная, а значит, неплохого качества. Водка и водка. Зато разнообразие вин дало бы фору, пожалуй, даже развитому капитализму. От копеечного плодово-ягодного до дорогого импортного вермута. Одних портвейнов десятка два-три наименований, не говоря уже о сухом. К слову, плодородное вино, беспощадно уничтоженное позже как класс, было разного качества, и, помимо откровенного шлака типа «Осеннего сада», имелось несколько сортов великолепного «Яблочного» – натурального, со вкусом настоящих яблок. Незаслуженно презираемый теперь портвейн в то время также не ограничивался «Агдмом» и «Топорами». Молдавский «Розовый» продавался пяти или шести категорий от самого дешевого за рубль до марочного за три. От ассортимента сухих болгарских и молдавских вин на витрине рябило в глазах. Парни расширяли кругозор с завидным упорством. Арсений и к закуске старался подходить творчески. Он мог объявить:

– В «Океан» завезли замороженных крабов. Мы обязаны изыскать средства и купить хотя бы парочку на четверых!

Чаще всего его инициативы приветствовались. Но иногда рационализм брал верх. Когда Арсений решил приобщить

их к таинству приготовления глинтвейна и настаивал на марочном сухом вине, Эрик безапелляционно отрезал:

– Розовый портвейн! И сахар уже добавлен, и градус подходящий. Ты компотом нас собрался поить? Подумай сам, они даже созвучны: портвейн – глинтвейн.

Однажды Арсений чуть не огреб от приятелей по первое число, когда из купленного на последние копейки пива изготовил «настоящий британский флип, старинный напиток лордов». Горячее пиво с сахаром, корицей и сырым яйцом, после нескольких тщетных попыток влить в себя, было отправлено в унитаз. Арсений бит не был, но выслушал много интересных и даже неизвестных ему до тех пор сочетаний матерных слов.

На вечеринках с напитками особо не эстетствовали. Главной задачей было напоить девчонок, и в ход, как правило, шли сладкие ароматные «Изабелла» и «Лидия». Ласковые женские имена внушали доверие – девочки теряли бдительность и меру. В крайних случаях доходило до «Абрикосового аромата» (название говорит само за себя). Трезво мыслить к концу вечера способны были единицы. Коварный диджей всегда компоновал программу так, что к финалу звучали только медленные композиции, а свет в комнате пропал совсем. Объятия в танцах робко пытались перейти в первые прикосновения и поцелуи. К чести всей компании нужно сказать, что эти прелюдии ни разу не закончились настоящим сексом, даже несмотря на то, что воздух просто гу-

стел от витающих флюидов, феромонов и прочих вымысленных субстанций. Как бы некоторые мальчики и девочки ни симпатизировали друг другу, никто не решился перейти грань и перевести отношения на более серьезный уровень. Они же были друзьями. А еще – детьми, какими бы взрослыми себе ни казались. Вообще, завести настоящий роман у себя в классе считалось моветоном. Для интрижек ребята находили девушек за пределами школы (или хотя бы класса) и снисходительно подтрунивали над романами одноклассниц на стороне. Это не мешало почти всей сильной половине быть влюбленными в одноклассницу Юлю. Впрочем, она так и осталась для всех прекрасной и недостижимой мечтой.

Эрик первый свой роман завел в десятом классе. Ну, скорее, безвольно отдался натиску волны. Он играл за школьную сборную по баскетболу. На одной из игр случайно оказалась девятиклассница из соседней школы – пришла с подругами поболеть за своих. То ли Эрик в тот вечер блистал на площадке, то ли девчонке просто понравился высокий и симпатичный парень, но после игры она встретила его возле раздевалки и решительно протянула руку:

– Настя.

– Очень приятно! Эрик, – ответил он.

– Ты куда сейчас? Может, погуляем?

Настина энергия и напор не уступали надвигающемуся локомотиву. Эрик не стал сопротивляться и просто поддался. Ростом Настя была не ниже Эрика, очень сексапильная, с не

по годам развитыми формами. С ней не стыдно было показаться перед одноклассниками, интересно поболтать, и, главное, она сама затащила его в постель. О чувствах Эрик задумываться не успевал – буйство гормонов сметало всякий контроль. Их безумно тянуло друг к другу, и в первое время они вели себя как сумасшедшие кролики из Кентукки. Правда, с тем, чтобы остаться наедине, постоянно возникала проблема. Гулять вечерами они могли сколько угодно. Но где вечером найти свободную квартиру? У всех дома родители. Если же чьих-то родителей по счастливой случайности нет, в «свободной хате» немедленно устраивается шумная вечеринка. Оставался день. Ситуация усугублялась тем, что Настя училась в первую смену, а Эрик – во вторую. К тому же с Настей кроме родителей жила бабушка. Они, конечно, умудрялись уединиться у нее под носом, но мысль о дремлющей в соседней комнате старушке не способствовала раскрепощению.

Довольно часто решительная Настя прогуливала утром уроки, чтобы прийти к Эрику. Это было самое лучшее начало дня, которое только можно себе представить, пока однажды они не оказались на грани провала.

Накануне вечером мама сказа Эрику:

– Я замочила в ванной твои вещи. Будь добр, постирай их утром сам. У меня уже руки отваливаются.

Руки у мамы действительно болели, а стиральных машин она не признавала принципиально.

– Хорошо, – обреченно согласился Эрик.

Утром, стоило маме выйти за дверь, прибежала Настя.

– Слушай, – тоскливо начал Эрик. – Мне тут вещи свои постирать надо. Если мы того... увлечемся, время не рассчитаем, могу не успеть. Может, я сначала постираю быстренько?

Настя критически посмотрела на полную ванну белья.

– Ты же это до вечера будешь стирать. Я сама сейчас постираю. Тогда действительно получится быстро!

Вышло так, что мама что-то забыла, о чем вспомнила на полпути и решила вернуться. Буквально через несколько минут она открыла дверь своим ключом в полной уверенности, что Эрик еще спит, вошла и увидела следующую картину: дверь в ванную комнату, находившаяся прямо напротив прихожей, распахнута, а там незнакомая девочка в школьной форме увлеченно стирает белье. Кроме того, оттуда было видно, что Эрик в одних трусах лежит на диване в гостиной. Мама только покачала головой, громко поздоровалась с гостьей, забрала то, за чем возвращалась, и ушла. Эрик pokrылся холодным потом. Если бы они начали не со стирки... От скандала их спасло умение вовремя и правильно расставлять приоритеты.

Роман продлился недолго. Они, кажется, и не ссорились, но со временем охладели, начали отдаляться друг от друга и в конце концов расстались, сохранив спокойные приятельские отношения.

Место Камы за одной партой с Эриком занял Захар. Спокойный, рассудительный парень. Они не часто общались до этого, хотя и были из одного класса еще до слияния. Захар неизменно участвовал во всех затеях, считался штатным фотографом класса, но на первые роли никогда не лез. Оказавшись соседями, ребята быстро сошлись. Сложилось так, что помимо основной «отвязанной» тусовки, в которую входила большая часть класса, образовалась еще одна маленькая компания, которая иногда собиралась отдельно от всех. Это были спокойные дружеские посиделки без пьяного угара и безумных танцев. Чаще – в дни рождения, иногда – просто так, без повода. Все ребята были из «старого» класса. Из парней в нее входили Эрик, Захар, у которого собирались чаще всего, и веселый компанейский парень по прозвищу Ковыль (по фамилии, как водится в школе). А из девочек – Юля, считавшаяся первой красавицей, Ираида – умная и тонкая девушка, обладающая неброской, но очень теплой внутренней красотой, и, наконец, Томка – отчаянная оторва, яркая, сексапильная, идейный вдохновитель всех приключений. Так вот, Эрик часто бывал у Захара дома, нередко встречался с его родителями и часто рассказывал о нем своим. Когда они уже в десятом классе выяснили, что являются братьями, удивлению их не было предела. Всего лишь троюродными, но все же! Дело в том, что на родительские собрания ходили исключительно мамы. Отцы и у того и у другого постоянно были в разъездах. Старшая сестра Захара заканчивала эту

же школу на два года раньше, и мама считала более важным посещать собрания ее класса (все собрания в школе проходили одновременно). Каково же было потрясение двоюродных сестер, когда они встретились, наконец, в одном классе. До того они частенько рассказывали друг другу о своих сыновьях, не подозревая, что те сидят за одной партой.

– Ну, здорово, братан! – встретил Эрика на следующий день Захар.

– Да, брат, неожиданный поворот! Видишь, сама судьба нас за одну парту усадила.

Какое-то время история была предметом шуток в классе, но вскоре забылась. Не разлученными же в младенчестве близнецами, как в популярном тогда индийском кино, они оказались. Жизнь подбрасывала новые сюжеты – и забавнее, и драматичнее.

Примерно в это же время Эрик как-то раз встретился с Камой, чтобы выпить пива и обсудить последние новости. В первые дни сентября стояла на удивление жаркая погода, и парни решили спуститься к речке. Кама жил в элитном доме на высоком берегу Светлой. Из окон его квартиры открывался отличный вид на спину величественного бронзового всадника, взнуздавшего своего коня над обрывом. Всадник, к слову, действительно был внушительных размеров. Его медный собрат из культурной столицы, поставь их рядом, казался бы сопровождающим рыцаря Санчо Пансо на закапризничавшем ослике.

По козым тропкам спустившись к воде, ребята устроились на старом одеяле, предусмотрительно захваченном Камой, и стали неторопливо наслаждаться пенным напитком. Берег оказался абсолютно пустынным, желающих купаться, несмотря на жаркую погоду, больше не нашлось. Друзья несколько раз окунулись в уже прохладную воду и успели высосать больше половины принесенного пива. Именно «высосать», так как разливное пиво в то время было модно разливать в полиэтиленовые мешки. В один входило до шести литров – объем как раз на двоих. Небольшая хитрость позволяла пить прямо из этой эластичной тары: угол крепко завязанного мешка необходимо было с силой вытянуть в трубочку, зажав большим и указательным пальцами. Оставалось откусить кончик и отличная поилка готова. Размеры и форма такого сосуда служили предметом нескончаемых скабрёзностей, однако безусловное удобство такого способа заставляло закрыть глаза на двусмысленные аналогии.

– Давай до бакена сплаваем, – предложил Кама.

Белый бакен покачивался метрах в ста от берега. Для Камы, проплывавшего по восемь километров за тренировку, это было не расстояние, как бы пьян он ни был. А развезло парней на солнышке уже ощутимо.

– Не, для меня далеко. Я же так себе плаваю, – попытался возразить Эрик.

– Да ладно тебе! Я помогу, если что.

– Ну, поплыли.

Дыхание он сбил практически сразу, не проплыв и половину пути. Понял, что неожиданно быстро слабеет и, боясь хлебнуть воды, перешел с кроля на брасс. Вода на стремнине оказалась неожиданно холодной. Несмотря на то, что они зашли в воду значительно выше по течению, чтобы выплыть как раз на бакен, Эрик, потеряв темп, сошел с задуманной траектории. Его пронесло мимо. Собрав последние силы, Эрик беспорядочно загребал руками. Кама, давно забравшийся на бакен, всячески подбадривал его, но звуки доносились до Эрика как через вату. В глазах темнело. Он плыл уже прямо против течения и из-за этого еще больше терял силы. Как он все же добрался до бакена, Эрик уже не помнил. Кама втащил его на узкий бортик и держал за руки, чтобы тот не свалился. Бакен раскачивался, пиво просилось наружу. Тела своего Эрик не чувствовал.

– Передохни немного, и назад поплывем, – стуча зубами от холода, уговаривал его Кама. – Назад легче будет, поплывешь спокойно по течению, а там, где вынесет, там вынесет. Здесь берег везде пологий.

Эрика охватила апатия. Исчезли возбуждение, страх, он даже перестал чувствовать усталость. Измененное алкоголем сознание, видимо, не выдержало стресса.

– А, поплыли! – сказал он и бухнулся в воду.

Вынырнув после первого погружения, Эрик попытался поплыть, но тело совсем не слушалось. Какое-то время он держался на воде, отдавшись течению, а потом стал погру-

жаться. Отчетливо запомнилось полное безразличие ко всему и отстраненное восприятие того, как вода над ним сомкнулась, а солнце через ее толщу показалось небольшим желтым пятном. Солнечные блики напомнили ему безмятежное детство, деревенское кладбище в ясный день, теплый ветер и запах трав. Эрик был абсолютно спокоен. Когда кончился кислород в легких и разом подступило удушье, сознание, наконец, включилось. Сильно задергаться и нахлебаться воды он, к счастью, не успел. Кама, поднырнув снизу, выволок его из-под воды за подмышки.

– Просто ляг на воду, – орал он. – Лежи спокойно и ничего не делай!

Эрик, откашлявшись, вытянулся одеревеневшим телом. Ноги тонули, и Каме пришлось, еще раз нырнув, вернуть его в горизонтальное положение. После он уперся ладонью в пятки Эрика, опустил голову и пошел подобием кроля, загребая одной рукой. Так они плыли, пока Эрик не уперся головой в песок. Отдышавшись, лежа на берегу, они принялись смеяться. Напряжение отпускало, хотя тело еще долго не слушалось Эрика. Он брел к месту пикника как зомби. Отнесло их не очень далеко, Кама даже в качестве буксира плыл энергично и быстро. Осознания того, что он чуть не утонул, у Эрика в тот момент не было. Греясь на закатном солнышке, они допили пиво, подсохли и начали собираться домой. Для Камы это не стало даже происшествием, заслуживающим внимания. Эрик же помнил случившееся всю

жизнь.

Отдельной вехой в истории класса стала школьная поездка в зимние каникулы. Путешествие предполагалось увлекательное: Сочи – Тбилиси – Ереван и обратно по тому же маршруту. Все на поезде, в плацкарте. Романтика! До краха Империи оставалось по историческим меркам совсем недолго. Но в тот момент ничего, как говорится, еще не предвещало. Закавказье было своим, имперским, но манило экзотикой, вином и чрезвычайной отдаленностью от родительского контроля.

Группа собиралась со всей параллели. Когда организаторы заранее распределили, кто на каком месте едет, Эрик оказался не со своими. Его это нисколько не напрягло, ведь плацкартный вагон – все равно один большой «колхоз». Лева с Седым по какой-то причине от поездки отказались. Значит, родной четверки все равно не было. А там, кто к кому зашел и с кем едет, большого значения не имело. Все само собой устаканится. Или «убутылится».

Его попутчики – Каток, Толстый и Лapidус – оказались сторонниками жесткого социалистического планирования. Они выцепили Эрика дня за три до отъезда. Каток, здоровенный дядька ростом на голову выше немаленького Эрика, объемами и природной нахрапистостью вполне оправдывал свое прозвище. Желających спорить с ним обычно не находилось. Толстый обладал вполне спортивной стройной фигурой, не соответствовавшей прозвищу. А вот Лapidус как

раз был добродушным толстяком.

– Так, парни, ехать нам долго. Бухло и закусон надо взять с собой. По станциям не набегаешься, – начал Каток собрание. – Скидываемся, закупаем все оптом и прячем пока.

Никто не возражал.

– А где прятать то будем? – поинтересовался осторожный Лapidус. – Родители же провожать попрутся!

– Камера хранения! – предложил Эрик. – Сдадим заранее, потом прямо перед отправлением заберем!

– Рискованно. Но умнее вряд ли что придумаем, – согласился Каток.

С алкоголем затруднений не возникло. Взяли ящик «Земфиры» и несколько бутылок водки. А вот с продуктами проблема стояла остро. Стоило все недорого, но в магазинах найти что-то съедобное было непросто. Не рыбные же консервы с собой тащить. Разрешил ситуацию Каток – его мама оказалась товароведом крупного гастронома. Забежав со служебного входа с большой сумкой, Каток через некоторое время вернулся с несколькими килограммами дефицитной «сухой» колбасы и импортной ветчиной в жестяных банках. С таким богатством можно было спокойно отправляться в путь.

На вокзале, однако, все прошло не так гладко, как предполагалось. Родители действительно приехали всех провожать и явно намеревались «помахать платочками» вслед уходящему поезду. Спровадить их никак не получалось. Напря-

жение нарастало, встал вопрос непростого выбора. Шокировать предков ящиками алкоголя было неразумно. Уехать, оставив в камере хранения все любовно заготовленные запасы, виделось невыносимой перспективой. Хранение оплачено на сутки, и в том, что по приезде через две недели они никакого вина не доищутся, ребята не сомневались. Вид приемщика свидетельствовал о том, что он справится с их ящиком гораздо раньше.

Решение пришло в последний момент.

– Давай из другого вагона выскочим, сбегает в камеру хранения и так же вернемся, – предложил Эрик.

Распрощались с родителями на перроне, зашли в свой вагон, продолжая махать из окна. И, оставив Лapidуса продолжать прощальный ритуал, бросились перебежать из вагона в вагон. Для надежности проскочили пять или шесть. Стремглав вылетели на перрон и помчались по переходам в камеру хранения. Обрато неслись, вызывая повышенное внимание окружающих: впереди Каток с недвусмысленно позвякивающей стеклом сумкой, следом Эрик и Толстый с тяжелым ящиком в руках. Перекладывать вино времени не было – уже объявили отправление поезда. Здесь надо сказать, что в те благословенные времена даже в пропитанной ханжеством Советской империи никто не осуждал молодых людей с ящиком вина, благо школьниками они не выглядели. Пить в поезде не считалось преступлением – это было личным делом каждого. Проводница вагона, в который они ломились,

возмутилась:

– Куда с ящиком?! Вы из моего вагона вообще?

– Тетенька! Опаздываем! Не добежим до своего вагона, пустите! – взмолились парни.

Поезд уже отправлялся.

– Ладно, пассажиров мне не пугайте только, лезьте быстрее! – смиловилась проводница.

Подумала: «Главное, что пить не у меня будут...»

Возвращаться оказалось гораздо труднее. Хлопая бесчисленными дверями тамбуров и протискиваясь с ящиком по узким проходам среди пассажиров, парни успели услышать о себе много нового. В оценках была представлена вся палитра эмоций – от откровенных ругательств до восторженного: «Во затарились!» Когда они возникли в окне своего вагона, лоя открытыми ртами воздух, поезд уже тронулся.

Желание оградить родителей от преждевременного открытия детьми «взрослости» в самых худших ее проявлениях было вполне оправдано. Пусть остаются на перроне в неведении. В жизни часто бывает, что родители спохватываются, когда поезд уже уехал.

Причиной безбашенной смелости ребят внутри поезда являлось то, что сопровождать их в поездке выделили двух молодых преподавателей английского. Оба, молодой человек и девушка, едва выпустились из университета. Интеллигентные милые люди. Обижать их было стыдно, бояться – глупо. Поэтому школьники, проявляя чудеса сознательности, ниче-

го совсем уж беспредельного не устраивали и заботливо опекали своих руководителей, потихоньку взяв бразды правления на себя. Благодаря созвучности имени отца молодого педагога очень популярному в то время портвейну «Агдам», звать его буквально на второй день стали Агдамыч. Ну, вроде как даже уважительно. По отчеству же! Девушку звали Лидия Александровна, что довольно скоро эволюционировало: ЛидьСанна – Лисанна – Лиса. Трудно угадать, какие чувства испытывали Агдамыч и Лиса на самом деле, но внешне всю поездку они были спокойны, доброжелательны, на рожон не лезли, и это оказалась самая лучшая тактика.

Весь первый отрезок пути до Сочи Эрик провел как в тумане. Не успели они пристроить свой ящик под сиденье, как Каток, уже выпросивший у проводницы стаканы «для чая», разлил бутылку водки на четверых. Эрик еще толком не отдышался, сердце колотилось, возбуждение комом подкатывало к горлу. Он дрожащей рукой схватил свой стакан, чокнулся, подумал, передернувшись: «Ох, теплая!»

И немедленно выпил⁵.

Дальше пошла «Земфира», которую не имело смысла экономить по пути в винные края. Вокруг кипела вагонная жизнь: разговоры, походы в тамбур «покурить», однообразный заснеженный пейзаж за окном. Но ничего этого Эрик отчетливо не помнил.

Когда отправлялись, стояли сильные морозы. Конец де-

⁵ «Москва – Петушки» (1973), В. В. Ерофеев.

кабря на Урале – не шутки. Сочи же встретил солнечной погодой и двадцатью градусами тепла. Ребята приехали в полушубках, пальто, меховых шапках. Только выйдя из здания вокзала, они поняли, что верхнюю одежду надо было сдавать в камеру хранения вместе с сумками. Но возвращаться никто не захотел. Так и дефилировали по набережной, вызывая восторг редких туристов, особенно иностранных. У Эрика сохранились черно-белые фотографии: в шубах и шапках под пальмами в Ривьере.

Тбилиси запомнился только подъемом на гору Мтацминда к пантеону Грибоедова и винными автоматами. Так же как дома за три копейки автомат наливал стакан газировки, здесь за двадцать копеек можно было получить стакан вина. За пятнадцать копеек – кружку пива. Ребята пришли к единодушному мнению, что именно это направление автоматизации достойно всяческого развития и внедрения повсеместно. Ибо то был настоящий прогресс!

В Ереване они провели целую неделю. Жили в прекрасном, недавно отстроенном Доме дружбы народов. В преддверии Нового года гостиница была заполнена такими же школьниками со всей страны, туристическими группами взрослых и даже иностранцами.

Оценив организаторские способности Катка и ловкий финт с ящиком вина, добыть напитки для празднования Нового года попросили уже проверенную в деле команду. Скинулась вся группа. Польщенные доверием парни не отказа-

лись и, взяв еще пару добровольцев, отправились в ближайший магазин. Эрик считал, что прекрасно подкован в ассортименте вин. Но, зайдя в ереванский магазин, понял, что названия, написанные хитрой вязью, ему ничего не говорили.

Каток снова проявил мудрость.

– Давай посмотрим, что местные берут, – сказал он.

В канун Нового года в магазинчике даже образовалась небольшая очередь. С продавцом все общались на армянском, но ребята каждый раз слышали слово «Ануш», а покупатели уходили с полной сеткой, а то и ящиками одного и того же вина. Дождавшись своей очереди, они тоже произнесли пароль: «Ануш». Продавец что-то спросил на армянском. Каток показал два пальца, и продавец протянул ему две бутылки.

– Два ящика, – уточнил Каток.

Продавец поцокал языком, сказал что-то еще и выставил на прилавок один ящик за другим.

На входе в гостиницу к ним двинулся портье.

– Куда столько несете? – спросил он.

– На мероприятие, – не раздумывая, ответил Эрик.

Портье покачал головой, но возражать не стал.

Вино оказалось божественным нектаром. А вот Новый год у Эрика не удался.

Все пошло по наклонной с самого начала вечера. На дискотеке, устроенной специально для школьников, они с Ковылем познакомились с двумя десятиклассницами из Сибири.

То есть специально вдвоем они не познакомились. Каждый по отдельности пригласил на медленный танец понравившихся девушек, а позже выяснилось, что они подружки. Две высокие яркие блондинки, Наташа и Аля, оказались бойкими девицами. Аля немного в теле, Наташа – худенькая, стройная. Она очень грациозно изгибалась, заливаясь смехом, а потому хотелось непрерывно ее смешить. Слово за слово, познакомились ближе. Не то чтобы сибирячки сами вешались на шею, но сближение развивалось стремительно. Предложение выпить вина в номере они приняли на ура. Радовало и то, что Эрик с Ковылем жили в разных номерах, а соседи их веселились на дискотеке. После первой бутылки Ковыль предложил Але «подышать свежим воздухом» и глазами сказал Эрику, что они не вернутся. Вечер становился все чудеснее. Вскоре Эрик с Наташей начали страстно целоваться и даже избавляться от лишней одежды, но неожиданно в дверь раздался бешеный стук. Эрик до последнего надеялся, что постучат и уйдут, но Лapidус за дверью взялся орать на весь коридор: «Наших бьют! Нас на бабу променял?» Эрик обреченно открыл.

– Там сибиряки наших бьют! В туалете внизу разборка целая! Выручать надо! – с криками ворвался Лapidус.

– Что там, некому подраться? – тоскливо поинтересовался Эрик.

– Не, наших мало, – продолжал напирать Лapidус, краем глаза жадно оглядывая Наташу.

Та уже поправила одежду и виновато посматривала на Эрика.

– Тебе идти надо? – спросила она с надеждой на отрицательный ответ.

– Сейчас сбегая быстренько и вернусь. Не уходи! – попросил Эрик.

Внизу действительно всюду шла разборка. Несколько парней сцепились, начиналась массовая драка. Что подвигло подвыпивших старшеклассников выяснять отношения, никто ни помнил. Эрик, втиснувшись в толпу, тут же больно получил по уху. Работая локтями, он расчистил себе немного пространства и стал методично молотить по всем лицам, которые казались незнакомыми.

Драка закончилась неожиданно быстро. Кто-то крикнул: «Атас, менты!» В толпе резко схлынуло напряжение. Зрители начали ретироваться от греха подальше, а активные участники остановились в нерешительности. Несмотря на то, что никаких ментов не оказалось, продолжать никто не хотел. В результате все закончилось братанием и совместной выпивкой. Новый год все-таки! Отказаться Эрик опять не смог, было бы не по-пацански. После знакомства с сибирской водкой в номер к себе Эрик вернулся не скоро, сильно пьяным, с опухшим ухом и отбитыми кулаками. Наташа, конечно, не дождалась. Тут подтянулся народ, добавили вина. К бою курантов Эрик уже спал на своей кровати, прижатый к стене спинами продолжавших праздновать одноклассников.

Утром ему рассказали, что в разгар веселья приходила Ната, пыталась его разбудить. В отчаянии даже колотила его деревянными плечиками для одежды, которые подвернулись под руку. Безрезультатно. Эрик пытался потом найти ее, поговорить. Ковыль продолжал активно крутить роман с Алей. Но Наташа, похоже, обиделась и явно его избегала. Эрик в конце концов успокоился и вспоминал потом этот эпизод скорее как комический. Каково же было его удивление, когда через несколько лет он узнал, что Ковыль после окончания школы отправился в Новосибирск, поступил в местный университет и женился на Але. Злые языки – несомненно из зависти – утверждали, что причиной такой трепетной любви с первого взгляда мог быть папа Али, ректор того самого университета. Это объясняло легкое поступление Ковыля, не ходившего в школе в отличниках. Однако версия выглядела сомнительной. Сердцу ведь не прикажешь. Аля действительно была яркой и красивой девушкой, а влиятельный папа мог оказаться лишь приятным бонусом.

Конечно, в той поездке ребята не только пьянствовали и заводили отношения. За неделю они изучили все достопримечательности города, ездили в Эчмиадзин, на озеро Севан, в горы. Во время одного из выездов случилось происшествие, которое поспособствовало первому знакомству Эрика с Конторой и имело, как оказалось, долгосрочные последствия. В горах сломался автобус, возивший группу штатовских туристов. Ждать другого пришлось бы очень долго, и

американцев подсадили в автобус с нашими школьниками. Люди, совершившие эту идеологическую диверсию, не подозревали, что в автобусе находятся два преподавателя английского языка, один из которых – тайный фанат всего западного, а дети изъясняются на английском почти свободно. В то время в провинциальном Городе ребята имели больше шансов встретить инопланетян, нежели живых американцев, а потому шанс познакомиться они не упустили. За два часа совместной поездки они сумели наладить с представителями чуждой цивилизации тесный контакт, а Агдамыч и вообще договорился провести совместную встречу в международном клубе, который, как оказалось, имелся при их гостинице. Мотивировал он это несомненной пользой практики общения с носителями языка. Сопровождающий американцев представитель Конторы, вероятно, в те минуты поседел. За такое можно и звания лишиться.

Ребята приняли идею с энтузиазмом. О том, что это общение может расцениваться имперскими спецслужбами как опасный контакт с «чужими» и что им потребуется санобработка от вредных идеологических микробов, они, конечно, не думали. Эрик в компании с Катком и Толстым вообще все время был подшофе и воспринимал реальность нечетко. Он удивлялся, что администрация гостиницы так близко к сердцу приняла организацию этой встречи с иностранцами. Неприметные парни в серых костюмах расставили кресла в международном клубе, помогли всем рассестся и даже на-

крыли два фуршетных стола с прекрасным местным вином. Много позже он вспомнил, что двое «серых» не ушли и во время встречи, постоянно находясь неподалеку.

Встреча продолжалась часа два. Беседовали с американцами в основном, конечно, педагоги. Школьников интересовало только какие музыкальные группы сейчас популярны в Штатах, а также сколько стоят джинсы и Полароид, которым щелкали американцы. О существовании последнего обычные граждане Империи тогда не подозревали даже в столицах, не говоря уже об их Городе. Вероятно, он был недешев и в Штатах. По крайней мере, на всю группу такой фотоаппарат был один. Его владелец, седовласый джентльмен, раскладывал выскакивающие из чрева фантастического агрегата пластиковые квадратики на свободном столе. Когда в конце встречи он их перевернул и взору открылись готовые цветные фотографии, восторгу школьников не было предела. Эрику даже достался персональный портрет, который он потом долго хранил в книжном шкафу за стеклом, пока снимок окончательно не выцвел. От милостивой и очень яркой девушки возраста их преподавателей – ревнивые одноклассницы распустили слух, что она профессиональная проститутка и зарабатывает около сотни баксов за ночь – ему в подарок досталась фирменная кассета с записью какой-то рок-н-рольной группы. Девушка уверяла, что тогда она была в Штатах на пике популярности, но ни Эрик, ни самые продвинутые меломаны их класса о ней даже не слышали. Магнито-

фона у Эрика никогда не было, и кассета после прослушивания на технике приятелей была отправлена к полароидному снимку за стекло. Зато шикарный кассетник после поездки появился у Агдамыча. Один из американцев еще при первой встрече в автобусе чрезвычайно заинтересовался карманным радиоприемником молодого человека. Тот был совсем простеньким и работал в двух самых популярных тогда в Империи диапазонах: длинные и средние волны. В Штатах бытовые радиоприемники ловили только УКВ и короткие, а иные для населения просто не производились – американские радиостанции вещали на УКВ. Что американец собирался слушать на длинных волнах, оставалось тайной. Но когда Агдамыч отказался продать свой приемник, штатник предложил обменять его на новенький кассетный магнитофон. Агдамыч дрогнул и соблазнился.

Встреча завершилась настолько тепло и сердечно, насколько это вообще возможно между разными поколениями. Конечно, штатники показались ребятам веселее и раскрепощеннее их родителей. После официальной части предполагался фуршет. От вина американцы отказались и стали расходиться, зато школьники попытались воспользоваться хлебосольностью местных вовсю. Агдамыч с Лисой и пикнуть не успели, как половина бокалов с вином была опустошена. Впрочем, после ухода штатников «серые» как будто потеряли интерес к происходящему и наполнять бокалы не спешили. О том, что они могут быть из Конторы, ребятам в тот мо-

мент и в голову не пришло. Как и то, что конторские будут их вести, передавая из рук в руки, до самого дома.

От Еревана до Тбилиси ехали глубокой ночью и преимущественно спали. Поэтому, кто был их сопровождающим в вагоне, они не вычислили и потом, анализируя всю эту историю. Тогда их побеспокоили попутчики: на рассвете поезд остановился на каком-то полустанке, и в двери и окна вагона стали неистово стучать. Вагон был полон, свободных мест не было. Пассажиры спали. Проводник сопротивлялся до последнего, но, когда в окна полетели камни, сдался и открыл двери вагона. Это оказалось не ограблением поезда, а всего лишь способом местных крестьян доехать до города. Эрик проснулся от гортанных голосов и гогота гусей в плацкарте. Ему здорово повезло – он ехал на верхней полке. Через несколько минут внизу везде сидели и стояли люди. Гуси, которых, вероятно, везли на продажу, были заперты в корзине и страшно возмущены своим положением. Где-то бляла коза. Воздух наполнился терпкими ароматами чеснока, человеческого пота, навоза и домашнего вина. Эрик отвернулся к стенке и изо всех сил сделал вид, что спит. Нашествие, впрочем, продолжалось недолго – колоритная публика дружно сошла в ближайшем городке.

Грузинского конторца с большой долей вероятности Эрик постфактум определил. Или, по крайней мере, ему так казалось. Веселый молодой грузин проявил удивительный для своего возраста интерес к школьникам и почти всю дорогу

от Тбилиси до Сочи расспрашивал их о поездке и сам травил байки про Грузию. Он оказался довольно эмоциональным парнем, очень горячо реагировал на отзывы о Тбилиси, вине, кухне, грузинском гостеприимстве и так и не сумел перевести разговор на политические темы. Зато, когда он услышал, что они не пробовали хачапури, воспринял это как личную трагедию.

– Побывали в Грузии и не попробовали хачапури! – воскликнул он. – Сейчас я что-нибудь придумаю! Конечно, где-нибудь на станции хачапури не такой, как делает моя мама. Но если готовил грузин, даже в станционном ларьке это будет настоящий хачапури! Э-э-э, хачапури! Тесто хрустит, горячий сыр тянется!

Он действительно заметался, пытаясь определить по расписанию, какой будет следующая станция, но было уже поздно – поезд подъезжал к Адлеру. Как можно было заподозрить такого душевного человека?

В следующем поезде, уже где-то под Куйбышевым, в их вагоне появился парень в спортивном костюме и без вещей. Билета у него не было, вроде как проводник по доброте душевной пустил.

– Привет, парни! Меня Слава зовут, – представился он. – Можно я с вами посижу? Места у меня нет, а ехать еще долго.

Слава оказался их земляком. На вопрос, как очутился в поезде в одном спортивном костюме, рассказал увлекательную историю:

– Я в армии вообще-то служу. Часть недалеко от Куйбышева. Вот, в самоволку сорвался домой, мать болеет, проведать надо.

– А как обратно из самоволки? Накажут же, – удивился кто-то. – В отпуск нельзя, если мать болеет?

– Да я пару месяцев всего в армии, этой осенью призвался. Какой тут отпуск?! Договорился со старшиной, что два дня искать не будут, одолжил спортивный костюм и вперед! День дома, потом обратно. С прапором рассчитаться придется, конечно. Ну, это решим как-нибудь.

По возрасту он на новобранца не тянул, но по закону мужчин призывали вплоть до двадцати восьми, а случаи в жизни бывали разные. Пытать беднягу дальше не стали, накормили и напоили.

Слава казался очень открытым, много рассказывал о себе. Статус беглеца вроде как вызывал особое доверие, располагая к откровенности, и очень скоро в плацкарте, где его приютили, собралась большая компания. Разговоры «обо всем» постепенно свернули к поездке, из которой они возвращались, и неизбежно привели к рассказу о встрече со штатниками. Слава ненавязчиво, но очень подробно, как потом оказалось, расспрашивал о впечатлениях от встречи. Ребята незаметно для себя пустились в рассуждения об идеологии, имперском строе, запрещенной литературе и даже конкретно об отношении к Конторе. Потом никто не мог вспомнить, как так вышло. Надо заметить, что высказывания по-

лучились более чем лояльные, хотя ребята и не подозревали, что их могут «писать». Подвыпивший Эрик даже заявил, что хотел бы в Конторе служить, если позовут. Они были поколением, уже не очень верящим в навязываемые Империей идеалы, но в силу инертности и конформизма еще не протестующим. До центрального вокзала Слава не доехал – выскочил в пригороде, сославшись на причину, которую никто не запомнил. Про него забыли бы совсем, если бы Эрик не встретил его через несколько месяцев. Он только поступил в институт и в сентябре был отправлен на сбор урожая. Жить их определили то ли в пионерском, то ли спортивном лагере. В первый же день Эрик наткнулся на Славу, прогуливающегося по территории и присматривающегося к группкам отдыхающих после работы студентов. Он опять был в спортивном костюме – возможно, в том же самом.

– Привет! Ты что, отслужил уже? – Эрик приветливо улыбнулся.

Недоумение на лице Славы сменилось замешательством. Затем, взгляд его стал ледяным.

– Ты не обознался случаем?

Вряд ли он запомнил Эрика в вечернем сумраке плацкартного вагона. Да и эпизодов подобного внедрения за это время у Славы могло случиться предостаточно.

Но Эрик ошибиться не мог. Притягательный образ разговорчивого самовольщика врезался в память довольно отчетливо. Тем не менее настаивать он не стал. Хмыкнул и пошел

дальше. Вечер в компании однокурсников, а главное, однокурсниц обещал много интересного, и Эрику было не до случайных знакомых. Только спустя какое-то время до него дошло, что делал среди студентов Слава – или как там на самом деле звали этого специалиста по работе с молодежью.

3

После окончания школы Эрик поступил в университет на факультет журналистики. Он с детства увлекался литературой, много читал, даже пробовал писать в газету. После языковой спецшколы логичнее был бы инфак, но к языкам Эрик особого пристрастия не питал. Хотя греческий он знал неплохо – бабушка со стороны отца плохо говорила по-русски и, пока она жила с ними, дома много говорили на греческом. Когда Эрик пошел в школу, она уехала жить к дочери в Ялту. Та в свое время вышла замуж за крымского грека и давно звала ее к себе, но надо было присматривать за маленьким Эриком, вот бабушка и тянула с переездом. И все же вернуться в места, где прошли ее детство и юность, ей очень хотелось. Читал на греческом Эрик, конечно, с трудом, а писать практически не умел, но довольно бойкий разговорный сохранился. Вкупе с неплохим английским он мог считать себя полиглотом.

После инфака единственным вариантом было преподавание в школе, так как высококвалифицированные перевод-

чики в их провинциальном Городе в советское время особо не требовались, а научные перспективы в этой области были более чем туманны. В школу Эрик точно не хотел. Вообще, он не очень понимал, кем хотел быть, но какое-то высшее образование получать было нужно, а работу журналиста он представлял себе в довольно романтическом свете – так и появился в его жизни факультет журналистики.

В сфере высшего образования входили в моду различные эксперименты. В год поступления Эрика абитуриентов, имевших в школьном аттестате только четверки и пятерки, а также сдавших два первых экзамена без троек, зачисляли сразу, без дальнейших испытаний. Однако на местах такой бонус, видимо, показался слишком щедрым подарком, и поступивших таким образом новоявленных студентов на время продолжающейся вступительной сессии занимали на тяжелых работах. То есть троечники сидели в уютных аудиториях, а отличники трудились на стройках. В этом нашла отражение вся суть советской власти.

Эрик попал на дорожные работы. Их бригада, состоящая из двух профессионалов и шести студентов, занималась укладкой бордюров. Какой от этого был прок университету, Эрик не выяснял. Он был доволен, что быстро поступил, а новая взрослая работа поначалу даже казалась интересной. После первой же переклички, услышав его фамилию, к нему подошел высокий чернявый парень.

– Константин Мавридис, – представился он.

– Эрик. Хотя вообще-то Эрос.

– Ого! Как Эрос Рамазотти, – улыбнулся Костя.

– А кто это?

Эрик действительно понятия не имел, кто такой Эрос Рамазотти. Он интересовался только рок-музыкой, а потому о начинающем итальянском исполнителе даже не слышал. Однако после объяснений Кости стал меньше стесняться своего имени и чаще представляться девушкам именем Эрос, хотя перед парнями по-прежнему предпочитал его не афишировать.

Он тоже во время переключки обратил внимание на греческую фамилию, но в отличие от Кости особого значения этому не придал. В Городе всегда было много греков, которые обосновались здесь из-за вынужденного переселения из Крыма или после лагерей. Его семья никогда не стремилась близко общаться с диаспорой. Это было время социалистического интернационализма – национальность никогда не ставилась во главу угла. Костина же семья, напротив, имела неисчислимое количество родственников как здесь, так и в самой Греции и постоянно варилась внутри национального сообщества, будучи чуть ли не ядром диаспоры. Для Кости Эрик был своим в первую очередь потому, что он грек. А Эрик был не против общения, так как Костя оказался умным парнем с широким кругозором и хорошим чувством юмора.

Работа оказалась по-настоящему тяжелой. После того как дорожная техника заканчивала обустраивать «подушку» под

будущее полотно, их бригада должна была сделать по краям отсыпку горячим асфальтом и установить бордюрные камни. Асфальт таскали в объемных и тяжелых носилках, высыпая по линии, обозначенной бригадиром джутовым шпагатом. Самое неприятное при отсыпке заключалось в том, что раскаленный асфальт, если попадал на натянутый шпагат, отлетал обратно, норовя попасть в лицо или залететь за шиворот. Еще тяжелее оказалось таскать бордюрные камни, которые рабочие любовно называли пряниками. Парни еле перли их даже вдвоем. Профессионалы, доверив тяжелую работу студентам, только устанавливали и выравнивали «пряники» на месте. К вечеру будущие журналисты валились с ног, но все равно отпраивались пить пиво и только потом – по домам. Больше всего Эрику запомнилась работа в новом сквере. Самая легкая и самая странная. Легкая, потому что обустроивали там не проезжую часть, а тротуары для пеших прогулок. Тротуарные «пряники» были существенно легче дорожных. Но место, где городские власти решили разбить новый сквер, навевало разные мысли. Это было старое кладбище. Кресты и оградки снесли уже давно, когда по краю кладбища прошла одна из главных городских артерий, – тогда одно слово против решения власти могло стоять свободы. Потому снос кладбищенских атрибутов и прошел тихо, без возмущения общественности. К моменту начала работ по закладке сквера это место давно выглядело как заброшенный пустырь. Однако то, что там раньше было кладбище, знали

все. Экскаваторщикам дали указание глубоко не копать, благо серьезная подушка под тротуар не требовалась. Вероятно, поэтому обошлось без разрытых могил. Пару раз попадались какие-то кости, но определить их принадлежность никто не взялся. Студенты все были комсомольцами, атеистами, материалистами и прочими. Но странное чувство совершаемого кощунства витало в воздухе. Особенно ранним утром, когда они только начинали собираться, дорожная техника еще не приехала, по проходящей рядом улице лишь изредка проезжали автомобили, а тишину нарушало только карканье ворон, гнездившихся в тополях. Ощущение, что они на погосте, было очень реальным. Позже, через несколько десятилетий, отдавая дань усопшим, в этом сквере сначала поставили большой деревянный крест, а потом построили часовню.

Из-за этой «отработки» перед началом учебного года Эрику удалось отдохнуть всего неделю. Однако с учебой тоже пришлось повременить. Уже через три дня после торжественной линейки и начала первых лекций их курс был отправлен в колхоз на уборку картофеля. Именно тогда и случилась их мимолетная встреча со Славой, которая многое ему объяснила.

После этого выезда «на картошку» Эрик с Костей сдружились окончательно. Вечерние посиделки с гитарой, ночные походы в женский барак и прочая романтика способствовала сближению. Кроме того, они составляли прекрасный тандем для «съема». С легкомысленными побуждениями знако-

миться «на пару» гораздо проще. Легче завязать и поддерживать разговор, перекидывая фразы друг другу, как мячик в пинг-понге. Кроме того, в компании у девушек создается иллюзия возможности выбора. А выбор предоставлялся неплохой. Два высоких, ярких, симпатичных парня. Жгучие брюнеты. Если, благодаря материнской крови, Эрика можно было принять за кого угодно по национальности – от украинца до татарина, – то настоящий греческий профиль Кости сомнений в его принадлежности не оставлял. Главная (и на чей-то вкус великоватая) составляющая этого профиля отдельно, вероятно, могла бы принадлежать и кавказцу, и турку. Но в целом композиция складывалась в образ классического грека. Сам Костя по этому поводу часто использовал присказку: «Нос горбинкой – хрен дубинкой!» Был ли нос причиной или что другое, но девушки от Кости млели.

Впрочем, этот выезд «в колхоз» оказался далеко не последним. Помощь крестьянам продолжалась всю осень, практически до первого снега. Ни о какой учебе в первые месяцы речь не шла. Это было одной из прочно устоявшихся традиций Советской империи. Интеллигенция должна была безропотно отдавать свой неоплатный долг крестьянству, вероятно, даже не за принадлежность к некогда буржуазному классу, а за право именоваться интеллигенцией. Поступление в вуз, безусловно, расценивалось как стремление этой самой интеллигенцией стать и автоматически подразумевало появление долга перед крестьянством. Возможно, в Стране

Советов могла бы появиться и трудовая повинность интеллигенции перед главным революционным классом – пролетариатом, – но работа на заводах и фабриках требовала хоть какой-то квалификации и специальных навыков, что делало ее использование нецелесообразным. А вот для прополки грядок, сбора овощей и прочего неквалифицированного труда в поле студенты и доктора наук вполне годились. Даже много позже, когда Империя рухнула и в стране зародились рыночные отношения, Эрик случайно наткнулся в газете на репортаж с заседания мэрии, где глава сельского района гневно упрекал власти за то, что ему прислали слишком мало работников умственного труда и у него пропадает урожай на полях.

Студенты нисколько не роптали на вынужденную «полевую» жизнь – трудились они все равно как придется, особо не напрягаясь. Зато «на картошке» было гораздо веселее, чем сидеть на лекциях, а неудобства и неустроенность барачного быта компенсировались концентрацией интересного народа при полном отсутствии контроля. Кроме того, все городские ребята были вполне подготовлены к подобным условиям еще со школы. Поскольку получение полного среднего образования в школе, а не в профтехучилище или техникуме предполагало желание продолжить обучение в вузе, которое в свою очередь расценивалось как стремление... (см. выше), то у школьников старших классов тоже автоматически образовывался долг. Именовался он во времена

заката Империи «летняя трудовая четверть». После окончания учебного года школьников отправляли в так называемые лагеря труда и отдыха. Остряки утверждали, что ключевым здесь является слово «лагеря», что, впрочем, не совсем соответствовало действительности. Старшеклассников из школы Эрика всегда вывозили в лагерь, расположенный в колхозе имени красного комдива, безусловно имевшего славы боевые заслуги, но больше прославившегося почему-то благодаря анекдотам. Согласно легенде, именно на этих полях его оппоненты каппелевцы устроили свою знаменитую «психическую атаку», героически им отраженную. Сейчас же там выращивали овощи и отбывали свою «летнюю трудовую четверть» школьники. Жили в уютных, выстроенных оригинальным «шалашиком» коттеджах, немного работали и весело отдыхали. Помимо официальных развлечений вроде турниров по футболу, волейболу, теннису и конкурсов типа «А ну-ка, девушки!», конечно, была и ночная жизнь: турниры по преферансу, спиртное, тесные посиделки с девушками.

Если роль основного источника производительности труда на благо местного колхоза отводилась комсомольскому задору, то вдохновителем ночных забав, несомненно, выступал алкоголь. Главная проблема заключалась в том, что, каковы бы ни были привезенные с собой запасы, истощались они задолго до окончания «срока». В отличие от студенческой вольницы, контроль за школьниками был куда более

строгим, и потому добыча «горючего» становилась отдельным приключением. Эрику особенно запомнился случай, когда гонцом выпало быть ему. Время пребывания в лагере подходило к концу – давно закончились и запасы, и деньги. Их обычная компания собиралась устроить прощальную вечеринку, и им требовалась хотя бы одна бутылка спиртного, пусть символическая. Это был обязательный для торжества фетиш.

Из-за скудности средств, которые собирали буквально по копейкам, решено было приобрести бутылку водки – наилучший вариант соотношения цена-градусы. Самая дешевая «Русская» стоила пять рублей тридцать копеек. Общими усилиями набрали требуемую сумму – вышла полная кружка мелочи. Эрика выбрали для выполнения этой миссии, как одного из самых ответственных людей. Идти через поле с кружкой в руке было бы совсем анекдотично, поэтому девочки сообразили какой-то мешочек, в который и ссыпали монетки. Ближайший магазин располагался на окраине поселка почти в пяти километрах от лагеря.

В назначенный день сразу после окончания работ Эрик собрался в путь. Сопровождать его вызвалась Томка, на что Эрик с радостью согласился – вдвоем веселее. Они украдкой выбрались через щель в заборе и отправились в сторону поселка. По дороге болтали о том и о сем, шагали чуть не вприпрыжку. Вдруг Томка дернула Эрика за рукав: «Смотри, кто-то идет!» Действительно, прямо им навстречу двигался

какой-то мужчина. Он находился где-то в километре от них, так что лицо разглядеть не выходило, но рисковать не хотелось. Если бы это оказался кто-то из преподавателей, они бы конкретно «спалились». Выходить за территорию лагеря строго запрещалось. Кроме того, никакими достопримечательностями, за исключением сельского магазина, ближайший поселок не обладал. Цель же посещения магазина была очевидна, так как печенье и конфеты имелись в лагерном буфете. Эрик с Томкой присели. Окружающий ландшафт идеально подходил для земледелия, но не оставлял никаких шансов спрятаться. Мужчина приближался. Вскоре ребята с ужасом узнали в нем директора своей школы, Сан Саныча – сурового и прямолинейного человека, дослужившегося до директора из военруков. Встреча именно с ним была фатальной катастрофой. Эрик уныло огляделся. Спрятаться в свекольной ботве не представлялось возможным, а траектория движения Сан Саныча неизбежно выводила его прямо на них. Вытянув шею, Эрик продолжал озираться. Наконец, на меже свекольного поля он заметил что-то типа небольшой канавы, образовавшейся после отвала плуга. «Томка, быстрее за мной!» – позвал он. Пригнувшись, они метнулись к этой канаве. В самом глубоком ее месте как раз мог уместиться в длину один человек, так что Эрик уложил Томку и сам кое-как втиснулся за ней. Сан Саныч был уже близко: они видели его голову, покрытую завязанным по углам носовым платком. Если бы директор целенаправленно смотрел

по сторонам, то непременно увидел бы торчащие из канавы части их тел, но урожай свеклы интересовал его мало. В холщовой сумке что-то мелодично позвякивало в такт ходьбе, и это подсказывало ребятам, что в магазин он тоже бегал не за печеньем. В предвкушении тихого праздника Сан Саныч энергично шествовал мимо, а Эрик лежал, уткнувшись в Томкин затылок, и чувствовал, как бешено колотится ее сердце. Впрочем, как и его. В какой-то момент ритм их сердец вдруг совпал. Это было удивительное, волшебное ощущение. Два сердца, бьющиеся как одно. Эрик был прижат к Томе всем телом, ее запах начал кружить ему голову. Он почувствовал острое влечение, джинсы вдруг стали тесны, но он ничего не мог с собой сделать. Томка, несомненно, тоже это почувствовала – между ними как будто пробежали электрические разряды. Лежали они так, возможно, гораздо дольше, чем того требовала осторожность. Вполне вероятно, что к тому моменту, когда они стали подниматься, Сан Саныч уже успел не только дойти до лагеря, но и подробно ознакомиться с содержимым своей сумки. Всегда бойкая на язык, смелая, ничего не стесняющаяся Томка должна была безапелляционно заявить в такой ситуации: «Ну, теперь, как честный человек, ты должен на мне жениться!» Но она явно была смущена и даже покраснела. «Пойдем?» – тихо спросила она еще более сконфуженного Эрика. Тот облегченно подхватил: «Конечно!» Почти весь оставшийся путь они прошли молча. Наконец Томка улыбнулась, покачала головой,

глядя на Эрика, и они расхохотались. Напряжение исчезло.

Объект их стремления был настолько маленьким, что напоминал скорее ларек. Первое, что встречало вошедшего, – характерный аромат деревенского магазина. Классический букет, который нельзя спутать ни с чем другим. Пахло одновременно свежим хлебом, соленой селедкой и развесной карамелью. Здесь их ждал совершенно неожиданный удар – водки не было! На полках красовалась недоступная по цене «Старка» и еще более недоступный коньяк. То ли колхозники, полностью положившись в вопросах уборки урожая на школьников, скупили всю беленькую и ушли в коллективный запой, то ли ее просто не завезли, что было для советских времен нонсенсом. «Саньч – гад, небось, последнее забрал!» – прошипела Томка.

– И кто у вас такое пьет? – поинтересовался у продавщицы Эрик, указывая на полки со спиртным.

– Никто и не пьет, уборочная у нас, – язвительно ответила та.

Разочарованные ребята вышли на крыльцо.

– Что делать будем? – спросил Эрик.

Томка пожалала плечами. Вопрос не требовал ответа. Было понятно, что придется возвращаться ни с чем. Эрик облокотился на перила и бесцельно посмотрел вдаль. Томка подошла сзади, прижалась щекой к его плечу. Эрик повернулся к ней. Он разглядывал лицо девушки и думал, что поход все равно не был напрасным – получилось приятное приключе-

ние. Она как будто снова смутилась, опустила глаза и принялась задумчиво изучать деревенскую грязь за его спиной. Вдруг Томкин взгляд стал сначала сосредоточенным, потом хищным. Чуть не сбив Эрика, она перемахнула через перила и бухнулась на колени. Эрик не особо беспокоился за чистоту Томкиной одежды. После валяния в канаве грязнее она бы уже не стала, да и одеты ребята были по-рабочему. Но неадекватное поведение девушки его озадачило. Эрик последовал за Томкой и присел рядом: «Что там?» Томка уже очищала найденный в земле металлический рубль. Никогда в жизни они не были так рады профилю Вождя, искренне любимому в тот миг. Рубль! «Старка» стоила шесть рублей десять копеек. На оставшиеся двадцать копеек можно было купить еще плавленый сырок на закуску, но Эрик справедливо рассудил, что один сырок большую компанию не спасет, и решил купить Томке пломбир в вафельном стаканчике. Когда они победно вернулись в магазин и высыпали на прилавок горку мелочи с грязным рублем в придачу, продавщица удивленно вскинула брови и долго пересчитывала монетки, что-то недовольно бурча под нос.

Обратно они летели как на крыльях. О своем приключении с Сан Санычем и канавой ребята рассказали, конечно, без подробностей. Все сошлись во мнении, что рубль потерял именно директор. Это было бы особенно приятно. Вскоре они вернулись из лагеря домой, и к началу учебного года история как будто забылась. Только Томка иногда поглядыва-

вала на Эрика с задумчивой улыбкой.

Студентов, конечно, на такой долгий срок в одно место не отправляли. Выезды были дня на три, на неделю, максимум на две. И каждый раз в новое место. Поэтому проблем с запасами алкоголя и прочих радостей никогда не возникало. Кроме того, восприятие мира студентом в корне отличается от психологии школьника. Пожалуй, никто не стал бы прятаться в канаве – даже от ректора университета.

Рано или поздно колхозная эпопея должна была закончиться. Ребята вернулись в аудитории окончательно, и началась довольно рутинная, как оказалось, учеба. На первом курсе преподавали в основном общеобразовательные предметы – журналистикой пока даже не пахло. Довольно скоро захотелось обратно в поля.

В колхоз больше не отправляли, но и учиться дальше той осенью Эрику не пришлось. Его неожиданно вызвали в военкомат на медицинскую комиссию – в начале октября ему исполнилось восемнадцать лет. Из-за рождения на месяц позже первого сентября Эрик пошел в школу только в восемь лет. Можно было договориться и пойти на год раньше, но мама посчитала, что так будет лучше. Учеба в институте должна была дать отсрочку от призыва в армию. Но поколению Эрика особенно «повезло». Именно тогда, вероятно, из-за демографической ямы, отсрочку отменили. Студентов стали массово призывать в армию. Тем, кто попадал в весенний призыв, давали сдать сессию после первого курса и призы-

вали летом. Эрику «стукнуло» восемнадцать осенью, ровно хонько перед призывной кампанией, и его забрали без всяких проволочек.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что Эрик ни с кем не успел толком попрощаться. Сегодня он на лекциях, а завтра уже с рюкзаком на сборном пункте. Родители пребывали в шоке. Сам же Эрик не осознавал происходящей в его жизни перемены, находясь в своеобразном ступоре.

Ко всему прочему, он попал в команду, предназначавшуюся для отправки во флот. Тогда это означало, что служить придется три года вместо двух. Три года! Эрика временами охватывало самое настоящее отчаяние.

Уже на сборном пункте, когда их команду начали строить, выяснилось, что Эрик при росте метр восемьдесят пять не попадает даже в первую половину шеренги. Возглавляли ее парни ростом под два метра. Когда появился их «покупатель», по строю прокатился сначала ропот, потом – тихое ликование. Уныние от перспективы трехлетней службы вмиг сменилось восторгом. Вместе со старым отставником, формировавшим их команду, к строю подходил здоровенный усатый мичман в форме морского пехотинца. Это была совсем другая история! Во-первых, морская пехота – это круто! Во-вторых, она считалась береговым подразделением, а потому служили там, как все сухопутные, два года. Эрик услышал, как старик сказал мичману: «Смотри, какую я тебе команду собрал! Лучшие!» Мичман прошел вдоль строя,

оглядывая ребят, остановился, покивал отставнику и начал перекличку. Душа Эрика просто пела от счастья.

Когда перекличка закончилась и мичман собрался двинуть какую-то речь перед строем, рядом возник невысокий пузатый майор с петличками связиста. Он что-то негромко говорил морпеху, показывая бумаги. Тот так же тихо, но эмоционально отвечал. О чем они спорили, Эрик не слышал. Снова появился все тот же отставник. После короткого разговора с ним мичман уже громко выругался и указал на конец строя. Майор коlobком покатился вдоль шеренги напрягшихся призывников, остановился, отсчитал с конца несколько рядов, воздел свой пухлый перст и воткнул его между Эриком и стоящим справа парнем.

– Нале-во! – скомандовал он, глядя прямо Эрику в переносицу.

Возникла заминка. Никто не понимал, к кому относится команда, выполнять ее или нет.

– Конец шеренги, все от моей руки, нале-во! – уже прокричал майор.

Эрик повернулся, понимая, что в течение нескольких минут судьба его сделала два невообразимых финта.

4

Так Эрик попал в связисты. Майор оказался замполитом учебной части, готовящей специалистов секретной свя-

зи. Послан он был за пополнением ввиду своей бесполезности в части. На месте он, по нерасторопности или по пьянке, прозевал предназначенную для него команду, а потому так замучил начальника сборного пункта, что тот разрешил ему оторвать хвост от любой другой, чей размер позволял это сделать.

Учебка, в которую привезли новобранцев, располагалась на берегу огромного озера, знаменитого тем, что там был построен первый российский флот. Холодные осенние ветра гнали по нему настоящие волны с бурунами. В плохую погоду, когда противоположного берега не было видно, создавалось впечатление, что это самое настоящее море. Впрочем, озеро вскоре замерзло и, запорошенное снегом, напоминало скорее степь. По льду озера новоявленным бойцам приходилось совершать многокилометровые марш-броски на лыжах. Никаких теплых чувств к нему из-за этого у Эрика не сохранилось. В целом все воспоминания об учебке сводились к железной дисциплине, строевой муштре и занятиям в классах.

После, уже в войсках, Эрик попал в роту обеспечения главного штаба войск самого что ни на есть стратегического назначения. Судьба вновь преподнесла очередной сюрприз. Вместо того чтобы заниматься связью по полученной в учебке специальности, он попал в охрану штаба. Несколько месяцев изучения секретной аппаратуры пропали даром. Зато очень помогла физическая форма, приобретенная за время

подготовки. В войсках общим физическим развитием особо не напрягали – нужно было только время от времени сдавать нормативы на перекладине и брусьях. Боевая же подготовка сводилась к редким занятиям по ножевому бою. Впрочем, охране штаба в качестве вооружения только штык-нож и полагался – автоматы выдавали исключительно по тревоге.

По неизвестной ни для бойцов, ни для командования роты причине называлась она «рота «Д». При этом рот «А», «Б», «В» и «Г» не существовало. Что было зашифровано в этой литере и почему именно «Д», являлось, вероятно, военной тайной. Стала ли везением служба в таком подразделении – вопрос достаточно спорный. С точки зрения обустройства быта, конечно, имелось очень много плюсов, но главный солдатский принцип «поближе к кухне, подальше от начальства» не работал совсем. Начальства в крупном штабе было не просто много – его было в разы больше простых солдат. И солдаты эти были постоянно на виду. Состояла рота «Д» из двух взводов водителей высокого командования и взвода «разночинцев»: отделения музыкантов, по большей части живущего в клубе, отделения чертежников, выторговавшего себе право работать по ночам, и отделения охраны, в которое попал Эрик. Охраняли они штаб центрального узла связи (потому-то и брали в охрану связистов), в обязанностях имели в «мирное время» проверять документы у входящих в здание штаба, а по тревоге занимать круговую оборону.

Когда Эрик в новенькой шинели и с вещмешком за плеча-

ми впервые попал в казарму, открывшаяся картина потрясла его до глубины души. После строгого порядка учебки творившееся вечером в расположении напоминало древнеримскую оргию (к счастью, без содомии). Дневальный с ногами сидел на тумбочке и читал книжку; беспечность его, как впоследствии понял Эрик, объяснялась тем, что на лестничной площадке перед дверью дежурил «дух», который предупредил бы дневального в случае появления командиров. Повсюду бродили разной степени расхристанности персонажи, одеждой мало напоминающие солдат. Прямо в центральном проходе отплясывали русский народный танец два молодых бойца. Причина их веселья в виде усатого коренастого парня с погонами старшего сержанта увлеченно наяживала на баяне, полулежа в кровати. Подойдя ближе, по тоскливым лицам парней Эрик понял, что пляшут они как в известной сказке не по своей воле. В дальнем углу дребезжала гитара и отчетливо слышалось девичье хихиканье. То, что в роте могут оказаться посторонние девицы, не укладывалось у вымуштрованного учебкой бойца в голове. В воздухе висел густой табачный дым и смрад самогона. Но больше всего Эрик оказался шокирован тем, что по расположению испуганным зайцем метался прапорщик, к слову, одетый по форме, а за ним гонялся длинный худой ефрейтор в гимнастёрке и кальсонах с криками: «Митрич, ты обещал! Давай бороться!» Прапорщик успел юркнуть в кабинет и запереться. Длинный, как выяснил потом Эрик – ефрейтор по кличке

Сся, – был водителем командира части, генерала Черных. Он какое-то время побарабанил в дверь, но потом сдался и лениво отправился в угол к девицам.

К бардаку в роте Эрик привык довольно быстро. Командир их отделения Саша Котелевский своих бойцов в обиду не давал, а порядки в самой охране были установлены справедливые, в отличие от полного беспредела, творившегося у водителей. Благодаря этому никаких ужасов «дедовщины» Эрик в полной мере не испытал даже в первые месяцы службы.

Вскоре старшиной роты, вместо безответственного и жалкого Митрича, был назначен старший прапорщик Лыч. Он оказался знаменит тем, что навел железный порядок в одном из самых отдаленных и запущенных гарнизонов, являвших собой до его появления чуть ли не воровскую малину. За эти заслуги он был выписан в главный штаб, чтобы повысить уровень дисциплины в распоясавшейся роте «Д». Со своей задачей человек с говорящей фамилией справился. И справился быстро. Первый же сапог, прилетевший ему в голову при попытке «построить» расслабленную «богему», он отправил в полиэтиленовом пакете в военную прокуратуру с заявлением о попытке нанести ему тяжкие телесные. Несчастный, чьи отпечатки и вытравленный номер военного билета нашли на сапоге, был быстро осужден и отправлен на два года в дисбат. Рота сначала опешила, потом люто возненавидела Лыча, но в итоге вынуждена была подчиниться. К

концу службы Эрика расположение уже было не узнать. Чисто, светло, кровати ровно заправлены, днем на них никто не валялся, в столовую рота ходила строем. Как и положено в армии.

Жизнь в штабе текла совершенно по другим законам. Старшина мог сколько угодно лютовать в расположении роты, но в штаб соваться не смел. Насколько он бы грозен с солдатами, настолько благоговел перед начальством. От обилия высшего командования старый служака терялся, робел и непроизвольно переходил на строевой шаг. А потому визитов в штаб старался всячески избегать. Охрана, привыкшая к вольнице и не сильно стремящаяся в создаваемое Лычем светлое будущее, напротив, выдумывала любые мыслимые причины, чтобы избежать визитов в расположение роты. Они теперь являлись в казарму только к отбою. Ночное дежурство в штабе расценивалось как увольнительная.

Музыканты, вследствие отдельного проживания, были сами по себе и над рассказами об ужасном Лыче только посмеивались. А вот чертежникам, с которыми охрана, к слову, очень дружила, пришлось с инфернальным прапорщиком познакомиться. Когда-то в незапамятные времена их ушлые предшественники сумели убедить высокое начальство, что секретные схемы и чертежи необходимо выполнять ночью. В чем была логика – неизвестно, но график был утвержден. Днем чертежники спали в казарме, а после ужина отправлялись работать в бюро. Теперь, когда днем в казарме царил

сущий ад (в аду ведь тоже все очень упорядоченно), ребятам пришлось убеждать начальство, что спать им тоже лучше прямо на рабочем месте, хоть и на раскладушках.

Чертежное бюро располагалось в подвале штаба и соседствовало только с Особым отделом, то есть с контрразведкой. Доступ в бюро был строго ограничен. Очень строго! Список допущенных лиц висел перед дверью и состоял из пяти-шести фамилий высших офицеров главного штаба. Двери были двойные. Первая дверь открывалась по звонку (систем видеонаблюдения тогда еще не было). Человек входил, дверь за ним автоматически закрывалась на замок. Вторая дверь имела небольшое окошко, через которое можно было пообщаться с начальником чертежного бюро. Войти во вторую дверь запрещалось категорически. Документы действительно были сверхсекретными. Только после того, как окошечко во внутренней двери закрывалось, можно было разблокировать наружную дверь и выпустить посетителя. По крайней мере, так все работало в теории. У Эрика среди чертежников был приятель, Серега Сказочкин. На втором году службы, когда Серега был уже в авторитете, Эрик частенько наведывался к нему во время ночных дежурств на кофеек (напиток из цикория «Кубань», двадцать шесть копеек за пачку). Впускали его в святая святых без вопросов. Ему тогда и в голову не пришло хоть раз из любопытства повнимательнее заглянуть в лежащие на столах и закрепленные на кульманах схемы и карты. Сейчас, конечно, было бы

интересно, как наши стратегические войска собирались уничтожить главного заокеанского противника. Тогда Эрику было гораздо интереснее поговорить с Серегой о музыке, выпить «кофе» и ознакомиться с новинками от ЧБ. Да, самым главным секретом чертежного бюро были не схемы, а контрафакт, который они клепали по ночам. Безымянные кроссовки и футболки превращались в модные изделия известных брендов. Серега еще «для души» рисовал узнаваемые образы любимых западных рок-групп, которые немедленно превращались молодыми чертежниками в набор трафаретов и наносились на те же футболки. Торговля шла бойко, чертежники не бедствовали.

За гостеприимство чертежного бюро охрана всегда старалась отвечать благодарностью. Эрик, к примеру, пускал Серегу ночью в генеральский кабинет, где хорошая аппаратура позволяла слушать без помех «вражеские голоса». На политику Сереге было глубоко плевать – он слушал музыку. Этот интересный парень являл собой настоящего советского мажора. Должность его отца, директора астраханского хладокмбината, пожалуй, не особо впечатлит людей, не заставших тотальный дефицит времен поздней Империи. В то время вместилище таких богатств, как осетровая икра и рыба всех сортов, вполне могло соперничать с пещерой нибелунгов.

Серега мог позволить себе вырасти свободным художником и бунтарем – умный, талантливый парень, полнейший

разгильдяй. Папа бы «отмазал» его от армии одним звонком. Но ровно в момент получения повестки в военкомат у них случился очередной конфликт поколений, и Серега назло отцу отправился на сборный пункт. О том, что сын уже в войсках, папа узнал постфактум. До этого он пребывал в полной уверенности, что тот после ссоры «зависает» где-то в своей богемной тусовке. Единственное, что сумел сделать «холодильников начальник», – договориться о том, чтобы Серегу пристроили на самое «теплое место», на которое только может рассчитывать боец, имеющий навыки художника.

– Я представлял службу совсем по-другому, – жаловался Серега Эрику. – Сидишь вечером у костра, в котелке каша шкворчит с тушенкой, пацаны на гитаре играют. Или с автоматом стоишь в ночи, вглядываешься в лес вокруг. Романтика!

– А тут...

Эрик думал про себя: «Да, не видел ты настоящей армии, выбили бы из тебя эту дурь быстро!» Но вслух приятелю не возражал – только улыбался.

Сблизились они поначалу на почве любви к тяжелому року. Хотя вкусы у Сереги были своеобразные, а половину рок-групп, о которых он рассказывал, Эрик даже не знал, меломаны всегда друг друга поймут. Серега вел целый альбом, где имелась полная дискография любимых групп, заносил туда новинки, украшал страницы рисунками. Позже оказалось, что и помимо рока у них было много общих интересов.

Всегда приятно пообщаться с человеком, который с тобой на одной волне. В армии сослуживцев выбирать не приходилось – много ребят из сельской местности, маленьких городков, рабочих окраин. Большинство из них – отличные парни, но поговорить с ними о влиянии на творчество Хемингуэя его дружбы с Фицджеральдом как-то не получалось.

Однажды с ними приключилась трагикомическая история. Во время очередного ночного наряда, когда все двери штаба уже заперли, а дежурный офицер отправился спать, Эрик по обыкновению пил «кофе» в чертежном бюро, а потом открыл Сереге генеральский кабинет. Роскошный командирский «Grundig» стоял в комнате отдыха, расположенной за неприметной дверью в дальнем углу кабинета. Здесь же имелся прекрасный кожаный диван, на котором Серега обычно и возлежал, не включая света и слушая свои «голоса». Предпочитал он известную британскую радиостанцию, которая часам к четырем утра уставала поносить Советскую империю и включала музыкальные передачи. Эрик решил над Серегой подшутить. Тихонько пробрался в кабинет, надел висящую в шкафу запасную генеральскую шинель, нацепил папаху и стал прислушиваться. В момент, когда принадлежность «вражеского голоса» выдавала себя вполне очевидно, он включил в кабинете свет и, сделав несколько громких шагов, начал как бы входить в комнату отдыха, выдвинув вперед папаху и плечо с генеральскими погонами. И вот, лежит Серега в одних трусах на генеральском диване, «та-

щится» от заставочки: «Сева, Сева Новгородцев, город Лондон...», а в комнату вламывается хозяин. Серега вскочил, стал белеть и оседать на диван. Эрик, появившись в комнате целиком, расхохотался от души. Нет, он просто ржал как конь.

– Что, обоссался, братан?!

Однако Серега не расплылся в облегченной улыбке, а продолжал сидеть на диване с перекошенным лицом. Эрик бросился к нему. Поводов бояться было предостаточно. За проникновение в кабинет Серега мог отделаться гауптвахтой, а вот за «голоса» в то время можно было схлопотать несколько лет дисбата. Рассказывай потом, что музыку слушал.

В скудном свете, падающем из приоткрытой двери, Эрик хорошо видел только Серегины глаза. Ему приходилось уже сталкиваться с таким в детстве. Взгляд у человека становится пустым, бессмысленным. Уходит жизнь. На миг Эрик почувствовал себя абсолютно беспомощным перед лицом этой силы. Смерть завораживала. Наконец, очнувшись, Эрик схватил приятеля за руку.

– Серега, ты чего?

– Дышать че-то трудно, – спустя время прохрипел Серега. – И голова кружится.

Эрик попытался уложить его на диван, но Серега жестом показал, что делать этого не надо.

– Тошнит, лежа хуже будет.

Просидели полчаса или час. Эрик на время не смотрел.

Наконец Серега начал привставать.

– Давай свалим отсюда, утро уже вроде... ты только не рассказывай никому.

Эрик дошел с ним до чертежного бюро, убедился, что тот пришел в себя, и бросился на пост. Уже рассвело.

Конечно, оба они в тот же день наперебой рассказывали эту историю пацанам. Правда, заканчивалась она гораздо раньше реальной, а несостоявшееся путешествие Сереги в царство Аида они целиком уместили во фразу: «Чуть не обделался!»

Если огромное количество офицеров вокруг было несомненным и жирным минусом службы при штабе, то наличие здесь же не меньшего количества женщин имело больше плюсов. Все отделы возглавляли офицеры, но работали в каждом из них в основном женщины. Как правило, обычные гражданские, очень редко – в званиях. Конечно, все они были женами офицеров, иногда – дочерьми. Подавляющее большинство пожилых дам относилось к мальчишкам из охраны с материнским участием. Из-за малочисленности (всего отделение на огромный штаб) солдаты не оставались для них безликой массой: всех знали по именам и опекали. Минус заключался, как ни парадоксально, в молоденьких и привлекательных женщинах, которые каждый день проходили мимо, обдавая шлейфом духов, кокетливо улыбались, шутили и... были абсолютно недоступны. Нет, они не чуврались солдат. Ты мог поговорить с ними на бытовые темы

или о погоде, но твой статус не позволял рассматривать тебя как мужчину. Эрик тогда четко осознал, каким может быть сословное общество. А армия, что бы там ни говорили, – это некий сословный строй. Полное отсутствие женщин в местах лишения свободы или отдаленных гарнизонах создаст в мужских коллективах определенное напряжение. Иногда оно даже принимает довольно извращенные формы. Но большинство нормальных, молодых и здоровых мужчин стически переносят вынужденное воздержание, изредка выплескивая накопившуюся страсть на воображаемые образы. Вот только одно дело, когда твоя мечта – это фото любимой девушки, спрятанное в портмоне, или портрет поп-дивы в каптерке. И совсем другое, когда милые и недоступные женщины постоянно вокруг тебя. Не обходилось, конечно, без баек о том, как кто-то сумел завести роман с женой офицера или знойной прапорщицей с узла связи, но, как правило, все они были лишь плодами безудержной фантазии озабоченных юношей.

Где-то спустя полгода службы в штабе, когда Эрик уже освоился и знал по именам почти всех служащих, к нему подошла Лена. Елена Владимировна, бухгалтер материального стола, миловидная, чуть пухленькая девушка едва за двадцать. Несмотря на юный возраст, она успела родить мужу, майору из финотдела, двух детей-погодок.

– Ты сейчас свободен? Помоги мне в архиве, – ласково попросила она.

– Конечно, – без колебаний согласился Эрик.

В архиве Лена попросила достать несколько папок с верхних стеллажей. Когда Эрик, подав ей очередную, спустился со стремянки, она оказалась так близко, что ему некуда было поставить ногу. Эрик неловко оступился и подался назад. Стремянка, на которую он вынужден был облокотиться, противно заскрежетала и уперлась в стеллажи. Лена с невинным видом хлопала длинными ресницами. Эрику показалось, что в воздухе возникло такое напряжение, что вот-вот запахнет озоном. Но от Лены пахло чем-то сладким. Она облизнула пухлые губы.

– Ты чего такой стеснительный? Покрасней еще!

Лена взяла его руку и положила себе на бедро, прижимаясь еще сильнее. Стремянка за Эриком издала жалкий скрежет. Набравшись смелости, он обнял ее и впился в полуоткрытые губы. Лихорадочно тискал ее, пытаясь одновременно забраться в вырез на груди и задрать подол платья.

– Тише, тише! – пыталась успокоить его Лена. – Я дверь заперла, не торопись так!

Успокоиться Эрику не удалось – от напряжения и страха все закончилось позорно быстро. Поправляя одежду, Лена утешила его:

– Ты ко мне привыкнешь. В следующий раз все получится!

Той ночью Эрик толком не спал. Он совсем не переживал из-за скорости – в первый раз с новой женщиной такое слу-

чается. Он думал о том, что теперь будет. Лена сказала про следующий раз. От мысли, что у него роман с офицерской женой, Эрик покрывался холодным потом. Не от страха – сублильный, невзрачный майор не представлялся ему разъяренным Отелло, хотя, при трезвом размышлении, и мог устроить нешуточные неприятности. Эрику казалось, что на нем лежит груз ответственности за случившееся. Внешне Лена производила впечатление скромной и невинной девушки: кукольное личико, по-детски наивный взгляд. При разговоре лицом к лицу она всегда чуть смущенно опускала глаза. Эрик знал, что живут они с майором в офицерском общежитии. «Конечно! Какая тут любовь в одной комнате с двумя детьми? Да и майор далеко не Ален Делон! – рассуждал Эрик. – Вот она и не выдержала, влюбилась в меня». В своей неотразимости он ни капли не сомневался. Если бы они были на гражданке, то полштаба этих девиц лежали бы у его ног! Но Лена, чистая и невинная, заведя роман с простым солдатом, поставила под удар свою честь, рисковала браком, детьми. Эрик обдумывал теперь, как они будут строить отношения, встречаться. Служить оставалось больше года. Что он мог ей предложить? Так он проворочался до утра.

На следующий день Эрику никак не удавалось с ней увидеться. Утром его отправили с каким-то поручением, и он не застал момент, когда она пришла на работу. Каждую свободную минуту Эрик пытался пройти мимо бухгалтерии, чтобы как бы случайно встретиться с Леной, но, как назло, двери

всегда были закрыты – никто не входил и не выходил. Вечером, когда рабочий день закончился, Эрик специально встал на выходе.

Лена, проходя мимо, как ни в чем не бывало улыбнулась ему и бросила:

– Пока!

На смятение чувств это не походило.

«Значит, все нормально! Она не переживает и не сердится», – успокоился Эрик.

Его стало отпускать. Отсутствие драмы немного задевало самолюбие, зато существенно облегчало жизнь.

Им удавалось встречаться крайне редко, но все проходило просто замечательно. Ничего, что свидания случались среди пыльных стеллажей. Удобства в виде стола, стула и стремянки для молодых и пылких любовников не уступали самому роскошному будуару.

Однажды, проходя по тому крылу подвала, где находился архив, Эрик увидел, как Лена заходит туда с Саней Котелевским, командиром их отделения. Саня был родом из Бахчисарая, очень гордился этим, курил исключительно крымские сигареты «Пляж» и очень трепетно относился к своей внешности. Иначе говоря, соперник был вполне себе. «Да ну нет! Она просто не нашла меня, а ей реально нужна помощь в архиве», – утешал себя Эрик. Однако притормозил, чтобы его не заметили, и к архиву подкрался уже на цыпочках.

Ключ, поворачиваемый в замке изнутри, расцарапал ему

сердце. Эрик прильнул к двери и вскоре услышал едва различимые звуки, не оставляющие сомнений в происходящем.

Несколько дней Эрик жил ненавистью к этим двоим, обдумывая планы мести. На исходе недели после ужасного откровения его нашла Лена и как обычно затащила в архив. Он держался холодно, но молодое тело не слушалось разума и функционировало даже без его участия. Лена вела себя, как обычно, мило чмокнула его на прощание, и отношения их продолжились. Только теперь Эрик специально следил за Леной и архивом. Вскоре ему удалось застать ее с другим солдатиком. Эрик начал серьезное расследование, аккуратно выводя сослуживцев одного за другим на приватный разговор о девушке. Никто не «кололся», однако кого-то удалось разговорить, кого-то понять по недомолвкам, а кого-то и вычислить по глазам. В результате Эрик сделал однозначный вывод: Лена потихоньку таскает в архив всю охрану. Даже Генку-«однопалчанина» (здесь нет ошибки – именно «...пАлчанина»). Прозвище Генка получил благодаря своей наивной честности. Как-то вечером за чашкой чая, когда парни взялись наперебой хвастаться, кто сколько раз может за ночь со своей девушкой, Генка по простоте душевной заявил, что ему и одного раза вполне хватает.

– И вообще, – добавил он. – Я так устаю за день в поле на тракторе, куда больше раза? Спать же надо когда-то!»

– Ну, понятно, Генка наш – «однопалчанин», – тут же заметил какой-то остряк. Так и прицепилось к нему это про-

звище до самого конца службы.

В подробностях представив себе Лену с «однопалчанином», Эрик потерял к ней интерес и стал всячески уклоняться от дальнейших встреч. Она не настаивала, продолжая приветливо улыбаться.

«Вот же блядь! – думал Эрик. – И, главное, даже слухов никаких. Молодец, конечно!»

В армии Эрику пришлось неоднократно прикоснуться к теме вечного упокоения. Помимо основных воинских задач, отделение охраны выполняло еще одну, не совсем обычную. Вместе с музыкантами они «проводжали жмура». Военный гарнизон располагался здесь давно. Он не только обзавелся обширным жилым комплексом, но и поглотил пару окрестных населенных пунктов. Оружие, способное уничтожить полмира за несколько секунд, стало оплотом стратегической безопасности Империи. Центр управления этим страшным арсеналом постоянно увеличивался, население его росло. В последние годы старшие офицеры стали получать квартиры в соседнем городке, а высшее командование и вовсе ездило на службу из столицы. Но те, кто стоял у истоков создания этого рода войск много десятилетий назад, давно ушли в отставку и остались жить здесь. Время берет свое, старики уходят. Ко времени службы Эрика поколение ветеранов стратегических войск редело с катастрофической скоростью. Похороны проводились почти каждую неделю. Все эти, безусловно, заслуженные люди имели право быть похоронен-

ными с высшими воинскими почестями: оркестром и залпом над могилой. Бремя воздания этих почестей и лежало на роте «Д». Если бы все ограничивалось холостым залпом (и желательно летом!), для отделения охраны любые похороны были бы праздником – траурным, окрашенным в красно-черное, с неизбежной нотой печали, но праздником. Таким он, собственно, и являлся для музыкантов, ибо сердобольные женщины из числа родственников и знакомых покойного в сентиментальном порыве одаривали оказавшихся рядом, весьма несчастных на вид солдатиков всем, чем могли. Эмоции выплескивались в виде самой разнообразной снеди, сладостей и предметов быта, оказавшихся под рукой. Однажды какая-то бабуля даже незаметно сунула Эрику за пазуху бутылку самогона, прошептав: «На помин души». Главная трагедия для бойцов охраны заключалась в том, что в штате местного военного кладбища не было копателей, а похоронного бизнеса тогда просто не существовало. Предполагалось, что копать будут солдаты из гарнизона. Но зачем решать вопрос с откомандированием для похорон «каких-нибудь» солдат, когда четыре здоровых лба все равно приедут давать залп! И охрана, переодевшись в заботливо привезенное с собой рвань, копала могилы. В летнюю жару, в слякоть межсезонья и в лютый мороз зимой. Иногда приходилось жечь костры, чтобы хоть как-то продолбить мерзлый грунт. В холодное время года – не обязательно зимой, так как осенняя промозглость и чавкающая грязь, которая

не берется, а жижей стекает с лопаты, могут быть тяжелей мороза, – Эрик все делал автоматически, отключив сознание и органы чувств. Даже потом, закончив копать и переодевшись в парадную форму, он находился в сомнамбулическом состоянии. Поднимал автомат и нажимал на спусковой крючок не столько по команде, которую уже не слышал, сколько просто угадав момент.

Однако изредка, поздней весной или летом, особенно когда их привозили пораньше, а процессия задерживалась, Эрик с удовольствием гулял по кладбищу. Именно в эти моменты он чувствовал такое же умиротворение и блаженство, как в детстве на сельском кладбище с бабушкой. На втором году службы копать стало привычнее – человек приспосабливается ко всему, – и Эрик стал все больше времени посвящать прогулкам, невзирая на погоду. Благо и кладбище разрасталось. Он шел иногда бездумно, вдыхая запах талого снега, ароматы разнотравья или горелых листьев в зависимости от времени года, иногда обращая внимание на красивые или, наоборот, уродливые памятники. В школе одним из самых любимых его произведений был «Черный обелиск» Ремарка. Этот самый гранитный обелиск в романе считался образчиком безвкусия и в результате сгодился только в качестве благотворительности на могилу проститутки, похоронить которую оказалось не на что. На советском же кладбище обелисков на могилах не было вовсе. Их обычно ставили в публичных местах в память о неких знаменательных

событиях. Эрик пытался представить себе черный обелиск, но каждый раз ему мерещилось что-то уж совсем монументальное и несоразмерное оградкам вокруг. Он всерьез раздумывал о том, хотел ли бы видеть черный гранитный обелиск на своей могиле и как все же придать ему благородный вид и пропорциональный размер.

В самом конце службы случился еще один поворот.

Практика привлечения в работу «самого гуманного в мире», помимо судьи, еще двух народных заседателей распространялась и на армию. Эрик попал в народные заседатели на втором году службы как один из наиболее сознательных бойцов. Несколько раз он ездил в столицу на заседания трибунала, где, собственно, исполнял роль мебели. От него, как и от любого народного заседателя, ничего не зависело. Законов он не знал – только подписывал, что дают: таким казуистическим образом реализовалось «право граждан участвовать в осуществлении правосудия», только и всего. Хорошо запомнил он только самое первое заседание. Им с Колей Потехиным, таким же солдатом из его отделения, как новичкам, сразу же «повезло» – рассматривалось дело о мужеложстве и изнасиловании. В одном из секретных подразделений некий старослужащий с завидным упорством пытался овладеть столичным маменькиным сынком, невесть как угодившим в армию. Старослужащий этот до призыва трудился трактористом в несусветной глуши, что никак не вязалось с расхожим представлением о том, что подобная страсть

овладевает исключительно деятелями культуры. Возможно, природа его извращенных фантазий происходила из полной изолированности от внешнего мира их секретной «точки». Судья, довольно молодой офицер, невозмутимо добивался подробностей от обвиняемого и потерпевшего, а народные заседатели пребывали в полнейшем шоке. Во времена Империи обычные граждане о существовании гомосексуализма если и подозревали, то только на уровне недостоверных сплетен о звездах эстрады и кино. Публичное обсуждение сего предмета с физиологическими подробностями никак не укладывалось у бойцов в головах, тем более что набиты эти головы после года службы были скорее опилками, нежели мозгами. К перерыву в заседании Эрика уже подташнивало. Трудно сказать, кто из этих персонажей вызывал большее отвращение: крепкий коренастый крестьянин, с тупым выражением лица рассказывающий, как он «ухаживал» за предметом своей любви, или пухленькая размазня в военной форме, хлюпающая губами и лепечущая о своих страданиях. Удалились для объявления решения наши заседатели с большой радостью.

В комнате судья разъяснил им статьи уголовного кодекса, для формы поинтересовавшись их мнением.

– Товарищ майор, да впясть этому пидарасу по полной! – почти проорал Коля.

– Ну, во-первых, не майор, а капитан третьего ранга, – ухмыльнулся судья.

Китель на нем отсутствовал, на кремовой рубашке погоны с одной звездой – майор и майор.

– Извините, – буркнул Коля.

– Во-вторых, – продолжил «кап-три», – «по полной», как вы выразились, мы дать не можем, так как есть только неоднократная попытка изнасилования. Сам акт ни разу не зафиксирован. Не было ничего.

– Как не было? Вы же все в подробностях... – удивился Эрик.

– Потому и в подробностях. Ты думаешь, мне это удовольствие доставляет? – Судья поморщился. – Есть четкий критерий, отделяющий попытку от факта. Он применяется всегда, чаще, конечно, в делах, когда речь идет об изнасиловании женщины, но все же... В общем, головка члена должна войти минимум на свой радиус. Только тогда факт считается состоявшимся. Здесь этого не было. И следствием установлено, и я их подробно пытал. Иначе говоря, преступление не завершено, а значит, дать можно не более трех четвертых от максимального срока. К тому же жертва, получается, и не сопротивлялась толком. Есть еще неуставные отношения. Но путем поглощения тот же срок выйдет – четыре с половиной года.

– Ну, по такой статье мало ему там не покажется, – успокоился Коля.

Они подписали решение, вышли оглашать.

«Как же ты дослуживать-то будешь, военный?» – думал

Эрик, глядя на жертву. Про радиус он почему-то запомнил на всю жизнь. Впрочем, больше это знание ему никогда не пригодилось.

После второго заседания, суть которого Эрик даже не запомнил, их вызвал председатель столичного трибунала – пожилой каперанг.

Ребята уже начали привыкать, что все служащие трибунала – моряки, судьи – морские офицеры, а охраняли трибунал матросы с кортиками, что вызывало у них особый интерес и зависть.

– Кортик-то покруче штык-ножа будет, – рассуждал Коля. – И размер посolidнее, и сталь отличная!

Причину «морского содержания» этого сугубо сухопутного учреждения им никто толком объяснить не смог. Столица, конечно, – порт семи морей, но... «Так было до нас заведено», – таков был самый популярный ответ.

– Вот что, – начал каперанг. – Ребята, я вижу, вы толковые. У меня есть для вас предложение. Служащих у нас не хватает. Те, что по штату, не справляются. Я вас буду вызывать как бы на заседание, а вы мне тут будете помогать где надо. Работаете с утра до обеда, дальше – свободны.

Предложение было просто шикарным. Все прелести «заседательства» ребята поняли с первого раза. Единственным минусом было то, что приходилось вставать задолго до подъема, чтобы к девяти утра добраться до здания трибунала в самом центре столицы – приходилось ехать несколько стан-

ций на пригородной электричке, потом пересаживаться на метро. Зато командировка у них значилась до полуночи, а значит, вся вторая половина дня и весь вечер были в их полном распоряжении. Они согласились не раздумывая.

Поначалу вызывали их по одному разу в неделю: они выполняли несложные по сравнению с армейской службой поручения, а оставшуюся часть дня гуляли. Когда служить Эрику оставалось пару месяцев, они получили и вовсе чудесный подарок.

– Есть у меня для вас «дембельский аккорд», парни, – сказал им в очередной приезд каперанг.

– У нас и в части желающих «припахать» дембелей напоследок достаточно, товарищ капитан первого ранга, – осторожно ответил Эрик.

– От моего «аккорда» не откажетесь, – заулыбался каперанг. – Могу прикомандировать вас к трибуналу на два месяца. Задача – навести порядок в архиве. Там полный бардак, никто им не занимается. Условия прежние – работаете половину дня.

– А можно взглянуть на эти авгиевы конюшни? – продолжал осторожничать Эрик. В альтруизм он не верил. Особенно в армии.

На первый взгляд работа не показалась невыполнимой. Конечно, беспорядок в архиве был знатный: папки с делами кучами валялись на полках и на полу. Нужно было все каталогизировать и расставить папки по порядку, но архив был

небольшой, помещение величиной примерно со школьный класс, а потому за два месяца вполне можно было справиться. К тому же перспектива полной свободы от казармы и Лыча и возможность гулять по столице каждый день перевешивала все риски. Да и не оставили бы их служить на третий год, даже если бы они не справились.

Так они на два месяца стали «архивными крысами». Начинать было тяжело. Пришлось освобождать полки, потом собирать дела по порядковым номерам, выискивая их в разных кучах. Когда начинало казаться, что времени не хватит, ребята даже задерживались после обеда. Однако через пару недель работа пошла как по маслу, и пришло понимание того, что все можно закончить гораздо быстрее назначенного срока. За время службы Эрик усвоил главную солдатскую мудрость: торопиться не надо! Закончат раньше здесь – найдется чем занять их в части. Требовалось точно распределить работу так, чтобы завершить ее к назначенному сроку, тем самым заслужив благодарность председателя трибунала. А в часть попасть прямо к увольнению в запас. Что, собственно, ребята блестяще и проделали.

В первое время Эрик совсем не интересовался содержимым папок – необходимо было наладить работу. Казалось, что свободного времени не будет, тем более для того, чтобы читать скучные материалы дел. Но все изменилось, когда из одной папки вывалился ворох фотографий. Трупы солдат, снятые с разных ракурсов. Отдельно – крупные планы

ран, рваных дыр в шинелях, расплющенные пули. Расстреляно, похоже, было целое отделение. Эрик отложил пока папку в сторону и во время перекура стал изучать дело подробнее. История оказалась банальной для имперской армии: неуставные отношения, говоря казенным языком, а по сути – издевательства «дедов» над молодыми солдатами. В случаях, когда издевательства становятся невыносимыми либо молодой солдат изначально психически неуравновешен, он наказывает обидчиков, как только к нему попадает оружие. Вот и в тот раз некий солдатик расстрелял весь караул в полном составе. Дел таких оказалось великое множество. В завершающей стадии наведения порядка, когда ребята больше делали вид, что работают, и просто тянули время, Эрик занимал себя изучением наиболее интересных дел. Обычная дедовщина или хищения его не интересовали, а вот папки с изуродованными трупами притягивали как магнит. Смерть на фотографиях была запечатлена с равнодушной четкостью, разложена по полочкам, препарирована во всех подробностях. В отличие от первого их дела с изнасилованием, эти дела, какими бы страшными иллюстрациями ни были напичканы, тошноты у Эрика не вызывали. Картинки смерти завораживали своей холодной беспристрастностью: они лишь фиксировали, как слаба телесная сущность, как легко отнять жизнь у молодых и здоровых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.